

Натали Тимина

Новая жизнь

<https://litres.ru/74624662>

Аннотация

Как выбраться из оков, созданных семьей? Хороший вопрос. Это вопрос, который задают себе многие, оказавшись в сетях ожиданий, традиций и негласных правил, пропитанных любовью, но порой удушающих. Семья – это первая и самая важная социальная группа, формирующая нашу личность, ценности и убеждения. Но что делать, если эти ценности и убеждения вступают в конфликт с нашим собственным "я"?

Содержание

Предисловие	5
Часть 1. Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	49
Глава 8	55
Глава 9-1	61
Глава 9-2	65
Глава 10-1	69
Глава 10-2	75
Глава 11-1	80
Глава 11-2	84
Глава 12-1	89
Глава 12-2	94
Глава 13-1	99
Глава 13-2	103
Глава 14-1	108
Глава 14-2	113
Глава 15-1	119
Глава 15-2	125

Глава 16-1	129
Глава 16-2	134
Глава 17-1	139
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Предисловие

Как освободиться от оков семейной системы: история моего преобразования

Семья — удивительное явление. Она способна быть источником тепла, поддержки и опоры, но в то же время именно она порой становится невидимыми оковами, лишаящими нас свободы и права выбора. Каждый хотя бы раз задавался вопросом: как вырваться из сетей ожиданий, традиций и негласных правил, которые, будучи пронизаны любовью, всё же могут душить личность и мешать ей раскрыться?

Семья — первая и важнейшая социальная группа в нашей жизни. Она формирует ценности, убеждения, представления о себе и о мире. Но иногда эта же сила начинает ограничивать наше развитие, подменяя индивидуальность чужой волей.

Осознание проблемы (самое необходимое).

Первый шаг к свободе — признание её отсутствия. Долгое время я отказывалась видеть очевидное. Но однажды поняла: живу в клетке иллюзий и ожиданий, построенной не мной. Каждый прожитый день делал меня всё более несчастной, а ощущение несвободы становилось невыносимым.

Чужой выбор как моя реальность (увы, зачастую такое бывает среди нас).

Моя судьба была расписана заранее:

профессию выбрали родители;
образование определили без моего участия;
личная жизнь строилась под диктовку старших;
образ жизни диктовался традициями и мнением семьи.

У нас существовала строгая иерархия: решения принимались коллективно — родителями, бабушками, дедушками, пятью братьями и их жёнами. Я чувствовала себя заложницей этих правил. В итоге — жизнь с нелюбимым человеком, работа, лишённая радости, и пустота внутри.

Путь к изменениям (долго и необратим).

Перемены начались с диалога с самой собой. Я завела дневник, фиксировала мысли и чувства, училась слышать свой внутренний голос. Постепенно стало ясно: дальше так жить нельзя.

Следующим шагом стала коммуникация с семьёй. Это оказалось непросто.

Я начала говорить вслух о том, что чувствую: объясняла, что не отвергаю любовь близких; подчёркивала необходимость личного пространства; заявляла о потребности в самореализации.

Разговоры проходили тяжело: я сталкивалась с непониманием, обидой и даже гневом. Но твёрдо решила стоять на своём, сохраняя спокойствие и уверенность.

Установление границ (тяжело, но необходимо).

Границы стали моим щитом. Я училась говорить «нет» тому, что противоречило моим ценностям.

Это означало, что нужно отстаивать интересы; защищать личное пространство; принимать самостоятельные решения; прислушиваться к себе, а не к чужим ожиданиям.

Это было мучительно трудно: с детства меня учили подчиняться, уважать старших и угождать родным. Но постепенно я осознала: моё счастье — моя ответственность, и никто другой не может прожить мою жизнь за меня.

Новый взгляд на семью (пересмотреть всё).

Новый этап жизни начался с болезненного разрыва привычных связей. Да, какое-то время моя семья воспринимала меня как чужую. Но время оказалось лучшим целителем. Постепенно обиды ушли, и отношения изменились. Сегодня моя семья вновь — источник любви и поддержки, но уже в ином, более зрелом и здоровом формате.

Главное откровение (для себя самой в первую очередь).

Этот путь научил меня главному: свобода и независимость не означают отказ от семьи. Это шаг к новым отношениям, где есть уважение к границам каждого, где забота сочетается с пониманием, а любовь — с правом быть собой.

Часть 1. Глава 1

Моё детство прошло в золотой клетке, сверкающей снаружи и удушающей изнутри. Каждый день начинался и заканчивался под пристальным взглядом прислуги и родственников. Снаружи — ослепительный блеск фамильных драгоценностей, переливы дорогих тканей и мелодичный звон хрустальных люстр, отражающихся в зеркалах. Внутри же царили строгие правила, нерушимые традиции и постоянный надзор, от которого невозможно было укрыться даже в собственной комнате.

Помню, как маленькая я училась ходить не по сочной траве в саду, а по мягким персидским коврам в залах особняка; говорить не то, что думаю, а то, что приличествует юной леди моего положения; мечтать не о далёких странах и приключениях, а о выгодном браке, который укрепит положение семьи.

Моя семья принадлежала к древнему роду, гордому своим происхождением и несметными богатствами (по крайней мере мне с самого детства так говорили). Каждое утро начиналось с чёткого расписания: в девять — уроки французского языка с мадам Дюваль, в одиннадцать — игра на рояле под строгим взглядом преподавателя музыки, после обеда — вышивка шёлком под надзором гувернантки. Свободного времени не существовало — каждая минута была расписа-

на до мелочей. Развлечения ограничивались зваными вечерами в соседних особняках или официальными ужинами с важными гостями в нашем доме.

Эти вечера я ненавидела всей душой. Притворные улыбки, пустые разговоры о погоде и политике, оценивающие взгляды мужчин, рассматривающих меня словно породистую лошадь на аукционе. Я чувствовала себя марионеткой в руках судьбы, куклой, чья жизнь была предопределена ещё до моего рождения.

Бабушка по папиной линии, являвшаяся главой нашего рода, следила за каждым моим шагом с неустанным вниманием. Её слово было законом, её воля — непреложной истиной. Она мечтала о том, чтобы выдать меня замуж за сына влиятельного банкира или мэра города, тем самым укрепив положение семьи в высшем обществе. Мои чувства, мои желания никого не интересовали — я была лишь пешкой в большой игре амбиций и власти.

Но однажды в моей жизни появился он — луч света в тёмном царстве. Это была моя первая настоящая влюблённость, чистая и искренняя. Преподаватель точных наук, простой парень с добрыми глазами и открытой улыбкой, который казался пришельцем из другого мира. Он был далёк от моего позолоченного существования, но в его взгляде я увидела то, чего так не хватало в моём мире — искренность и тепло человеческого участия. Впервые в жизни я почувствовала, что могу сама выбирать свою судьбу, что существует

другой путь, помимо того, который начертали для меня родственники.

Однако мои мечты были жестоко разрушены. Бабушка, заметив, какими глазами я смотрю на своего преподавателя, немедленно приняла меры. После этого моими учителями стали исключительно дамы преклонного возраста, строгие и чопорные. И да, стоит упомянуть, что обучалась я исключительно на дому — родители считали, что школа таит в себе слишком много соблазнов, способных испортить мой характер и поведение.

С каждым днём надежда на свободу становилась всё призрачнее. После того как мои мечты о настоящем образовании были разрушены заменой учителей, я всё ещё лелеяла иллюзии о светлом будущем. В моих фантазиях я видела себя студенткой престижного университета, окружённой единомышленниками, живущей полной жизнью, как и все мои сверстницы.

Я представляла, как буду ходить на лекции, знакомиться с новыми людьми, обсуждать книги и фильмы до поздней ночи со своими новыми знакомыми. Как буду сама выбирать, во что одеваться, что есть и чем заниматься в свободное время. Эти мечты согревали меня в холодные вечера, когда я сидела за дистанционным обучением, глядя на экран монитора.

Но реальность оказалась куда более жестокой. Как только я получила школьный аттестат, мои родители, не давая

мне времени на размышления, тут же устроили меня на дистанционное обучение по менеджменту. Их аргументация была проста и безжалостна: «Ты должна быть готова принять бразды правления семейным бизнесом, когда придёт время».

Эти пять лет обучения превратились в бесконечную череду серых дней. Каждый день начинался с онлайн-занятий, которые казались мне пыткой. Я сидела в своей комнате, окружённая роскошью, но чувствуя себя пленницей. И словно этого было мало, в мою жизнь вошёл он — мой будущий жених, мужчина старше меня на десять лет.

Его визиты в наш дом стали регулярными. Пока братья обсуждали с ним деловые вопросы, я выполняла роль прислуги: подавала чай, приносила документы, делала вид, что меня не существует. Я чувствовала себя призраком в собственном доме, человеком второго сорта, чьё мнение никого не интересует.

Мои мечты о свободе, о друзьях, о настоящей жизни таяли, как снег на солнце. Каждый день я видела, как рушатся мои надежды, как растворяются в этой удушающей атмосфере. Я представляла свой будущий брак как похороны всех моих мечтаний, как конец всему, что могло бы сделать меня счастливой.

Свадьба виделась мне не радостным событием, а трагическим финалом. Белое платье казалось саваном, улыбки гостей — маской лицемерия. Путь к алтарю ощущался как до-

рога на эшафот. Я знала, что впереди меня ждёт жизнь, где моё мнение не будет иметь значения, где я буду лишь тенью своего мужа.

Мой жених, хоть и не был злым человеком, олицетворял всё то, против чего восставала моя душа. Его консервативные взгляды на роль женщины в обществе убивали во мне последние искры надежды. Он искренне считал, что предназначение женщины — быть хранительницей домашнего очага, но не более того.

В моих воображаемых диалогах с ним я видела, как он отмахивается от моих интересов, называя их глупостями. Как говорит о своей «заботе» и «защите», подразумевая полное подчинение и отказ от собственной личности.

Эти мысли отравляли мою жизнь, делали каждый день невыносимым. Я задыхалась в этом золочёном плену, где роскошь не приносила радости, а богатство не давало свободы. И с каждым днём во мне крепло решение: я должна вырваться из этой клетки, чего бы мне это ни стоило.

Напряжение достигло своего пика в тот момент, когда я получила долгожданный диплом. Казалось бы, впереди должна была открыться новая глава моей жизни, но вместо этого я узнала страшную новость — родители всерьёз занялись организацией моей свадьбы с человеком, которого я не могла терпеть. Этот факт стал последней каплей, переполнившей чашу моего терпения. Я поняла, что больше не могу и не хочу мириться с навязанной судьбой.

В тот вечер я решилась на отчаянный шаг. Собрав всю свою смелость, я созвала семейный совет. В зале собрались все: суровый отец, непреклонная бабушка, братья и другие родственники. Их лица выражали смесь удивления и раздражения, когда я начала свою речь.

— Я отказываюсь от этой свадьбы! — мой голос дрожал, но я старалась говорить твёрдо. — Я сама буду решать, с кем встречаться и за кого выходить замуж.

Мой отец, человек, чьё слово всегда было законом в этом доме, взорвался от гнева:

— Ты не имеешь права голоса! Как ты смеешь перечить старшим?!

Бабушка, всегда считавшая себя хранительницей семейных традиций, попыталась было заговорить о чести рода, но я не позволила ей закончить:

— Я всё знаю о традициях нашего рода! Но я не собираюсь быть марионеткой в ваших руках. Хватит! Я уже достаточно взрослая, чтобы самой делать свою судьбу.

Мой протест вызвал бурю негодования. Отец, побагровев от злости, вынес свой приговор:

— Если ты не подчинишься, я приму самые строгие меры. Ты будешь заперта в своей комнате до самой свадьбы. И даже если ты скажешь «нет» у алтаря, это ничего не изменит!

Не дав мне опомниться, мой старший брат, человек, которого я всегда считала защитником, грубо схватил меня, перекинул через плечо и унёс в мою комнату. Металлический

щелчок замка эхом отразился в моей душе.

Следующие полчаса я билась в дверь, кричала, умоляла выпустить меня, но всё было тщетно. Родственники словно забыли о моём существовании. Через час в дверь проскользнула тарелка с ужином. Голод давал о себе знать, но гордость была сильнее. Я не притронулась к еде, несмотря на то, что желудок сводило от голода.

В голове крутились мысли, одна страшнее другой. Как выбраться? Куда идти? Где найти убежище? Комната на втором этаже казалась настоящей тюрьмой. Прыгать из окна было опасно, да и куда потом идти?

От отчаяния я схватила телефон. Пальцы дрожали, когда я набирала запрос о заброшенных домах в окрестностях города. И тут удача улыбнулась мне — в интернете я нашла информацию о дачном домике в садовом товариществе всего в нескольких километрах от нашего особняка.

План начал складываться в моей голове. Нужно было действовать быстро и тихо. Собрать самое необходимое, дожидаться глубокой ночи и... бежать! Бежать от прошлого, от навязанной судьбы, от всего, что душило меня последние годы.

Моё сердце колотилось как сумасшедшее, но впервые за долгое время я чувствовала прилив надежды. Надежда на свободу, на право самой выбирать свой путь, на настоящую жизнь.

Глава 2

Первые робкие лучи рассвета едва начали пробиваться сквозь плотные шторы, когда я, затаив дыхание, приоткрыла окно своей комнаты. Сердце билось так сильно, что, казалось, его стук мог разбудить весь дом. Второй этаж нависал надо мной грозной высотой, но отступить было поздно — судьба уже сделала свой выбор.

Дрожащими руками я закрепила самодельную верёвку из скрученных простыней за массивную ножку кровати. Каждый узел проверяла по несколько раз, понимая, что от этого зависит моя жизнь, моё здоровье. Холодный пот стекал по спине, пока я медленно перекидывала ногу через подоконник.

Мир словно замер в ожидании моего падения. Каждый шорох заставлял замирать, каждая ветка, скрипнувшая под тяжестью росы, отзывалась дрожью во всём теле. Но я продолжала спускаться, сантиметр за сантиметром, пока наконец не коснулась земли.

Несколько мгновений я стояла, прижавшись к стене дома, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. Первые лучи солнца окрашивали небо в нежные оттенки розового и оранжевого, а в саду уже начинали петь ранние птички, словно приветствуя новый день.

С небольшим рюкзачком за плечами, в котором лежали

самые необходимые вещи, я отправилась в путь. Дорога оказалась намного длиннее, чем я предполагала. Мои ноги, привыкшие к мягким домашним тапочкам и паркету особняка, теперь гудели от непривычной нагрузки. Солнце поднималось всё выше, припекая макушку через тонкую ткань шляпы.

Каждый шаг приближал меня к свободе, но одновременно наполнял тревогой. Что ждёт впереди? Смогу ли я выжить в этом новом мире без привычной роскоши и прислуги? Эти мысли терзали душу, пока наконец вдалеке не показались очертания дачного посёлка.

Покосившиеся заборы, полуразрушенные домики — всё это казалось мне сейчас настоящим раем. Найдя нужный участок, я с трепетом открыла калитку. Старая затворка поддалась с протяжным скрипом, словно жалуясь на долгое одиночество.

Домик встретил меня запахом сырости и пыли, но я не обращала на это внимания. Главное — он был крепким, способным укрыть меня от преследователей. Внутри царил беспорядок, но это только добавляло очарования этому месту. Я нашла старый веник, ведро и тряпку — первые инструменты моей новой жизни.

Приступая к уборке, я чувствовала, как постепенно возвращается уверенность. Каждая выметенная соринка, каждая протёртая поверхность делали это место более родным, более безопасным. Я создавала здесь свой маленький мир,

где могла быть собой, где никто не указывал, что делать и как жить.

Этот домик станет моим временным убежищем, моим крепостным бастионом в борьбе за право на собственную жизнь. Здесь я смогу собраться с мыслями, разработать план дальнейших действий. Главное — оставаться незамеченной.

И пусть особняк моих родственников находится совсем близко, я уверена — они никогда не догадаются искать меня здесь. В их глазах я всегда была хрупкой барышней, неспособной выжить без прислуги и роскоши. Но они ошибаются. Теперь я докажу им, что способна на гораздо большее. Способна бороться за своё счастье, за право быть собой.

Солнце стояло уже высоко в небе, когда я решилась выйти из своего убежища. Голод давал о себе знать всё настойчивее — мой желудок издавал такие громкие звуки, что, казалось, их можно было услышать за километр. Последний раз я ела ещё вчера днём, и теперь организм настойчиво требовал пищи.

После того как я привела в порядок дом, немного отдохнула и собралась с мыслями, пришло время исследовать территорию вокруг. Может быть, удастся найти что-то съедобное? Пусть даже незрелые яблоки или какие-нибудь дикие ягоды — сейчас любая еда казалась бы настоящим подарком судьбы.

То, что я увидела, превзошло все мои ожидания. Заброшенный сад оказался настоящим сокровищем! Хотя яблоки

действительно ещё не поспели, мой взгляд привлекла другая находка — густые кусты смородины и малины, усыпанные спелыми ягодами. Пусть они были кислыми и не такими сладкими, как хотелось бы, но это было настоящим спасением для моего голодного желудка.

Собрав горсть ягод, я с наслаждением отправила их в рот. Кисло-сладкий сок разлился по языку, даря не только утоление голода, но и какую-то особенную радость. Это было первое самостоятельное решение в моей новой жизни — найти еду, приготовить её (пусть даже просто съесть сырыми ягоды) и насладиться этим моментом.

Решив отвлечься от тяжёлых мыслей, я взялась за работу. Искоренение сорняков вокруг кустов оказалось неожиданно приятным занятием. Руки пачкались в земле, одежда покрывалась пылью, но это было неважно. Главное — я чувствовала себя полезной, занятой делом, а не просто пленницей обстоятельств.

К вечеру я смогла собрать приличный урожай: смородины, малины, крыжовника и даже немного вишни. Этого должно хватить на некоторое время, а там, глядишь, и яблоки поспеют. Усталая, но довольная, я вернулась в дом.

Разведя огонь в старой печи, я нагрела воды из колодца, который оказался на участке. Тёплая вода, пусть и не такая мягкая, как в особняке, принесла ощущение уюта и комфорта. Умывшись и завернувшись в старый, но чистый плед, найденный в шкафу, я вышла на крыльцо.

Ночь встретила меня тысячами звёзд, сверкающих вокруг полной луны. В этот момент я впервые за долгое время почувствовала себя в безопасности. Тишина и покой окутывали меня, даря странное, почти забытое ощущение умиротворения.

Да, это было лишь временное убежище, но сейчас оно казалось мне настоящим домом. Здесь я могла дышать свободно, думать о своём будущем, строить планы. Впервые за долгое время я верила, что смогу найти выход из этой ситуации, что смогу начать новую жизнь вопреки воле семьи.

Утомлённая событиями дня и свежим воздухом, я заснула глубоким, спокойным сном на простой кровати. Никаких тревожных мыслей о семье, никаких кошмаров — только тишина и покой.

Проснувшись утром, я почувствовала, что мир не так уж плох. Да, впереди ждали трудности: отсутствие денег, необходимость самостоятельно обеспечивать себя, возможно, даже борьба с родственниками. Но теперь я знала — у меня есть шанс изменить свою жизнь, жить так, как я хочу сама. И это осознание придавало сил, несмотря на все предстоящие испытания.

Первые лучи утреннего солнца робко просачивались сквозь неплотно задёрнутые шторы, рисуя на полу причудливые золотистые узоры. Я медленно поднялась с кровати, чувствуя, как затекшие за ночь мышцы протестуют против резкого движения. Ночное умиротворение постепенно рас-

сеивалось, уступая место тревожным мыслям о будущем.

Как теперь зарабатывать на жизнь? Отец, наверняка, уже подключил все свои связи, чтобы заблокировать мне возможность официального трудоустройства. Придётся довольствоваться случайными подработками, а они, скорее всего, будут тяжёлыми и малооплачиваемыми. Но выбора нет — нужно как-то выживать.

После утреннего умывания холодной колодезной водой и скромного завтрака из собранных вчера ягод, я села на крыльцо, пытаюсь собраться с мыслями. Будущее казалось туманным и неопределённым, но я понимала — пора действовать. Сидеть сложа руки и жалеть себя больше нельзя.

Первым делом нужно найти работу. Пусть неофициальную, пусть временную, но хоть какую-то. В голове крутились разные варианты, но все они казались либо слишком рискованными, либо нереалистичными. И тут меня осенило — старая знакомая! Она работала в небольшой пекарне на окраине города. Возможно, там требуется дополнительная помощь?

Собравшись с духом и тщательно продумав план действий, я решила сегодня же отправиться в город. Путь предстоял неблизкий, но это не пугало. Каждый шаг по утренней росистой траве придавал мне сил и уверенности. Свежий воздух наполнял лёгкие, а тёплое солнце согревало спину.

Пока я шла, в голове роились мысли о будущем. Да, будет трудно. Придётся много работать, экономить каждую копей-

ку, возможно, жертвовать комфортом. Но разве это не лучше, чем жить в золотой клетке, где каждый твой шаг контролируется, каждое решение принимается за тебя?

С каждым шагом моя решимость крепла. Я докажу всем — и себе в первую очередь — что способна на многое. Что могу быть счастливой и независимой, не опираясь на богатство и связи семьи. Пусть впереди ждут испытания, пусть будет тяжело — я не сдамся. Я научусь выживать в этом новом мире, найду своё место под солнцем и построю жизнь такой, какой всегда мечтала.

К моменту, когда город показался на горизонте, я уже твёрдо знала — ничто не сломит мою волю к свободе. Я готова бороться за своё счастье, готова преодолевать любые препятствия. И пусть этот путь будет тернист — он приведёт меня к настоящей, самостоятельной жизни.

Глава 3

Солнце уже поднялось высоко над крышами домов, когда я наконец добралась до пекарни. Сердце колотилось как сумасшедшее, пока я стояла перед знакомой дверью. Глубоко вздохнув, я толкнула её и вошла внутрь.

В нос ударил восхитительный аромат свежей выпечки, который всегда так нравился мне. За прилавком стояла хозяйка пекарни — Анна Петровна, женщина с добрым лицом и пронизательным взглядом. Рядом с ней хлопотала её помощница, раскладывая на полки румяные булочки и пирожки.

— О, детка! Какими судьбами? — воскликнула Анна Петровна, заметив меня. Её глаза внимательно осмотрели мой внешний вид — простой наряд, разительно отличавшийся от тех роскошных платьев, в которых я появлялась здесь раньше. Но она тактично сделала вид, что ничего не заметила.

— Я... хотела узнать, не нужна ли вам помощь в пекарне, — пролепетала я, чувствуя, как краска заливает лицо.

— Ты? Сама хочешь мне помогать? — в её голосе слышалось искреннее удивление.

— Да, — ответила я, опустив глаза. Смушение накатило новой волной, и я почувствовала, как пылают щёки.

— А как же твои родственники? Они знают о твоём решении? — её пронизательный взгляд словно пытался прочитать мои мысли.

По моему молчанию она всё поняла.

— Пойдём-ка в подсобку, там и поговорим спокойно. Галля, присмотри за прилавком, пожалуйста, — обратилась она к своей помощнице, молодой девушке, которая до этого момента делала вид, что увлечена прејскурантом на товар.

В подсобке, где стоял запах дрожжей и тёплого теста, начался серьёзный разговор. Анна Петровна задавала вопросы — один за другим:

— Что случилось? Где ты сейчас живёшь? Как ты оказалась в такой ситуации?

Я рассказала ей всё — от начала и до конца. Повела о золотой клетке, в которой жила, о навязанном браке, о побеге из дома. Рассказывала, не таясь, чувствуя, что этой женщине можно доверять.

— Ох, детка! — вздохнула Анна Петровна, когда я закончила свой рассказ. — Вижу, натворила ты дел, да не по своей воле. Всегда говорила я, что ваши семейные традиции до добра не доведут. Но чтобы настолько... Ваша семья, вроде, из обычных людей была, а теперь такие порядки завели, будто аристократы какие!

Она замолчала, погрузившись в свои мысли. А я замерла, затаив дыхание. От её решения сейчас зависела моя дальнейшая судьба. Смогу ли я удержаться на плаву в этом новом, самостоятельном плавании?

Каждая секунда тянулась словно вечность. Я нервно теребила край своей юбки, ожидая вердикта женщины, от кото-

рой сейчас зависела моя судьба.

— К сожалению, с работой я помочь не смогу, — с искренним сожалением произнесла Анна Петровна, — но вот с едой — с превеликим удовольствием. Знаешь, у меня есть предложение: если ты будешь приносить мне свежие ягоды из того места, где сейчас живёшь, я буду не только подкармливать тебя, но и платить небольшие деньги за них.

— Я согласна, — ответила я, чувствуя, как от облегчения подкашиваются ноги. — Мне сейчас любая помощь пригодится. Без еды я долго не протяну.

Получив увесистый свёрток с пирожками, хлебом и другими вкусностями, я отправилась обратно к своему убежищу. Но то, что я увидела по пути от калитки к дому, заставило моё сердце пропустить удар.

На крыльце моего временного дома сидел незнакомый мужчина. Его внешность сразу бросалась в глаза: неопределённого возраста, с неряшливым видом. Волосы и борода давно не знали расчёски и бритвы, а одежда, хоть и не была грязной, выглядела так, будто её не гладили уже несколько недель.

«Только этого не хватало! — пронеслось в голове. — Неужели здесь поселился бродяга?»

Когда он заметил меня, его затуманенный взгляд остановился на моём лице.

— Это ты навела в доме порядок? — спросил он хриплым голосом.

— Да, — ответила я, чувствуя, как внутри нарастает тревога. Что теперь делать? Искать новое убежище?

— Неожиданно, но я очень удачно приехал в свой дом, — произнёс он, и эти слова словно ударили меня под дых. — Дверь была открыта?

— Была, — ответила я, уже разворачиваясь, чтобы уйти.

— Постой! — окликнул он меня. — Куда ты собралась? Я понимаю, что тебе негде жить. Оставайся. Обещаю, не буду приставать. К молодым девушкам у меня нет привычки домогаться. Извини за грубость в выражениях, просто я чертовски устал от притворства и светских бесед своего прежнего окружения.

Я замерла в нерешительности. «Свой дом»? «Прежнее окружение»? Что всё это значит? Этот человек выглядит как бродяга, а говорит о какой-то светской жизни. Я окинула взглядом ветхий домик с облупившейся краской, заросший двор, покосившуюся калитку.

Неужели этот неприметный с виду мужчина — владелец этого дома? Но как тогда объяснить его неопрятный вид и странные речи? Слишком много вопросов крутилось в моей голове, но одно было ясно — мне некуда идти, и этот человек, кажется, не представляет угрозы. Хотя его появление определённо вносило новые, непредсказуемые элементы в мою и без того запутанную жизнь.

— Вы уверены, что это ваш дом? — спросила я, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё трепетало от сомне-

ний. Его слова казались слишком невероятными, чтобы быть правдой.

Мужчина тяжело вздохнул и медленно поднялся с крыльца. Приблизившись, я смогла разглядеть его лицо более детально. Под слоем многодневной щетины и усталым взглядом скрывались черты, которые, возможно, когда-то были даже привлекательными. В его глазах читалась какая-то невысказанная история, а в движениях чувствовалась определённая грация, несмотря на потрёпанный вид.

— Абсолютно уверен, — ответил он, доставая из внутреннего кармана пиджака ключ. С лёгким щелчком он вставил его в замок и оставил там, демонстрируя свои права на это место.

Он шагнул внутрь дома, жестом приглашая меня следовать за ним. Я колебалась, разрываясь между страхом и отчаянием. Страх перед незнакомым мужчиной боролся с острой необходимостью найти другое убежище. В конце концов, инстинкт выживания взял верх над осторожностью.

— Хорошо, — произнесла я, переступая порог. — Посмотрим, что из этого выйдет. Но предупреждаю сразу: если вы попытаетесь ко мне приставать, вам не поздоровится.

— Твои угрозы меня не пугают, но замечание приму к сведению, — с лёгкой ухмылкой ответил мой неожиданный сосед. Мысленно я уже представляла, как бы отреагировали мои родственники, узнав, в каких условиях я теперь живу и с кем вынуждена делить кров.

Пока он осматривал комнаты, я занялась устройством быта. Разложила принесённые из пекарни угощения на столе, растопила печь, поставила чайник. От пирожков с картошкой и печенью шёл такой аппетитный аромат, что желудок предательски заурчал.

— Это что, краденое? — внезапно спросил мужчина, кивая на стол с едой.

— Вы что, с ума сошли? — возмутилась я. — С чего вы взяли, что я воровка?

— Не знаю. Так подумалось. Да и вид, знаешь ли, у тебя довольно необычный для этого места. Хороший маникюр, одежда явно не с распродажи, но противоречит тому, что ты скрываешься здесь, — он внимательно рассматривал меня. — Что заставило девушку вроде тебя спрятаться в таком месте?

— Мы даже не познакомились, чтобы я начала делиться с вами своими секретами, — ответила я, стараясь держаться отстранённо.

— Ладно, давай начнём с начала. Меня зовут Павел.

— Екатерина.

— Вот и познакомились. Теперь рассказывай.

— Нет, не хочу. И не буду. Я просто очень голодна, — ответила я, схватив пирожок и откусывая большой кусок.

Пока я ела, Павел продолжал наблюдать за мной, но больше не задавал вопросов. В воздухе витало напряжение, смешанное с каким-то странным ощущением начала чего-то но-

вого. Кто бы мог подумать, что моё бегство от прошлой жизни приведёт меня к встрече с этим загадочным человеком, который, как оказалось, является законным владельцем этого дома.

Глава 4

— Голод — штука упрямая, — задумчиво произнёс Павел, медленно приближаясь к столу. Его шаги были размеренными, почти осторожными, словно он понимал, насколько хрупким было моё доверие. Он опустился напротив меня, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на понимание. — Он может заставить человека говорить, а может, наоборот, заставить замкнуться в себе. Знаешь, Катя, когда оказываешься на самом дне, часто понимаешь, что терять уже нечего. И именно тогда начинаешь открываться.

Его слова повисли в воздухе, словно тяжёлые облака перед грозой. Я наблюдала за тем, как он берёт кусок хлеба, как его пальцы слегка дрожат, когда он отламывает кусочек. В этом простом движении читалась какая-то глубокая усталость, почти боль. Его внешность, несмотря на неопрятность, выдавала человека, который когда-то знал совсем другую жизнь. В его глазах отражалась не только усталость, но и какая-то невысказанная печаль, словно он нёс на своих плечах груз, который был ему не по силам.

— Я не на дне, — прошептала я, но даже для моих собственных ушей эти слова прозвучали неубедительно.

— А где же? — его бровь слегка приподнялась в ироничном жесте. — В каком-то промежуточном измерении? Между прошлым и будущим? И вот ты здесь, в моём, как ты вер-

но подметила, покосившемся доме, с едой, которую, как я понимаю, ты не приобрела в ближайшем магазине.

Его слова били точно в цель, и я почувствовала, как краска приливает к щекам. Молчание затягивалось, становясь почти осязаемым. Я хотела просто есть, просто наслаждаться теплом печи и вкусом пирожков, но его взгляд, прямой и лишённый осуждения, словно проникал в самую душу.

— Я не готова говорить, Павел, — произнесла я, и в моём голосе появились нотки усталости. — Просто дайте мне возможность поесть. А дальше... посмотрим.

— Хорошо, Катя, — согласился он, отламывая ещё кусок хлеба. — Ешь. Я тоже голоден. Знаешь, мне тоже есть о чём помолчать. Но иногда, когда рядом есть кто-то, кто тоже хранит молчание, это становится легче.

Он протянул мне кусок хлеба, и наши пальцы на мгновение соприкоснулись. Этот простой жест содержал в себе больше, чем казалось на первый взгляд. В нём было признание нашей общей уязвимости, общей неопределённости будущего. Возможно, это было началом чего-то нового, но я не могла сказать точно чего. Или это просто ещё одна страница в книге моих неожиданных приключений?

Пока мы ели, сидя за одним столом, я осознала одну важную вещь: впервые за долгое время я не была совершенно одна. Рядом был человек, который, несмотря на свою загадочность и некоторую грубость, не пытался меня осудить или использовать. Возможно, это было началом чего-то нового,

возможно, это была просто временная передышка в моём путешествии к свободе. Но в этот момент, в этом старом доме, с этим необычным мужчиной, я чувствовала странное, почти забытое ощущение спокойствия.

— А не затопить ли нам баньку? — неожиданно произнёс Павел, довольно потирая руки. Его предложение прозвучало так внезапно, что я на мгновение застыла, не в силах поверить своим ушам. Баня? Здесь? В этом заброшенном месте, которое казалось забытым всеми?

Я подняла на него взгляд, пытаюсь понять, не шутит ли он. Но в его глазах читалась искренняя решимость, а в голосе звучала такая теплота, что я невольно начала сомневаться в своих первоначальных впечатлениях об этом человеке.

— Баньку? — переспросила я, стараясь скрыть охватившее меня удивление. Мысль о возможности попариться казалась чем-то из области фантазий, особенно после того времени, проведённого в спартанских условиях.

Павел кивнул, и в его глазах заплясали озорные искорки.

— А что такого? — усмехнулся он. — Жар костей не ломит, а банька — она душу лечит. Да и тебе, думаю, не помешает. Небось, раньше каждый день в душ ходила, а теперь, поди, и в баньке не отказалась бы попариться.

Его слова были настолько точными, что я невольно улыбнулась. Действительно, мысль о горячей воде, о возможности смыть с себя не только физическую грязь, но и, возможно, часть накопившихся тревог, казалась невероятно соблаз-

нительной. Я представила, как горячий пар окутывает тело, как напряжение покидает мышцы, оставляя лишь приятное чувство расслабления.

— Ладно, — согласилась я, сама удивляясь своей внезапной податливости. — А она у тебя вообще рабочая? — спросила я, неожиданно для себя переходя на «ты». Это было несвойственно моей натуре — я всегда обращалась к незнакомым людям, особенно старшим, исключительно на «вы». Так меня воспитали.

— А вот это мы сейчас и проверим, — ответил Павел, его движения вдруг стали энергичными и целеустремлёнными. — Дров, правда, немного, но на первый раз должно хватить. Пошли, покажу тебе наше сокровище.

Он направился к выходу, и я последовала за ним, чувствуя, как внутри просыпается робкая надежда. Возможно, это место не будет таким уж плохим убежищем, а Павел — не таким уж пугающим соседом. В конце концов, кто бы мог подумать, что моё бегство от прошлой жизни приведёт меня к бане в заброшенном доме? Жизнь, действительно, умеет преподносить сюрпризы.

Он вышел из дома, и я, задержавшись на мгновение, последовала за ним. В душе боролись противоречивые чувства: с одной стороны, страх перед неизвестностью, с другой — странное, почти детское любопытство. Но, странное дело, я не чувствовала угрозы от этого человека. Напротив, во мне росло необъяснимое доверие к нему.

Выйдя во двор, я увидела ещё одну постройку, притулившуюся в стороне от дома. Это была баня — небольшая, покосившаяся, с облупившейся краской на стенах. Она выглядела заброшенной, но в глазах Павла читался такой энтузиазм, что даже эта старая постройка словно оживала в его присутствии.

Скрипучая дверь открылась с протяжным стоном, и в нос ударил характерный запах сырости и старого дерева, смешанный с ароматом смолы и древесины. Это был запах настоящей русской бани, который я почти забыла.

— Ну что ж, — произнёс Павел, внимательно осматривая помещение, — работы тут, конечно, немало, но главное — печь цела. Сейчас растопим, да водички нагреем.

Его движения были уверенными и чёткими. Он словно преобразился, став другим человеком. В нём появилась та хозяйственная жилка, которую я никак не ожидала увидеть в этом потрепанном жизнью мужчине. Он проверял тягу, аккуратно укладывал щепки, и в его действиях чувствовалась особая, почти ритуальная сосредоточенность.

Спустя некоторое время он выпрямился, вытирая руки о штаны.

— Вроде всё готово, — сказал он, глядя на меня. — Сейчас огонь разгорится, а ты пока воды натаскай. Колодец там, — он махнул рукой в сторону дальней части двора, хотя я уже знала, где он находится. — Вёдра в сарайке найдёшь.

Я молча кивнула и отправилась выполнять его поручение.

Пока я носила воду из колодца, Павел продолжал колдовать над печью. Вскоре из трубы повалил густой дым, и в воздухе разлился неповторимый аромат горящих дров. Эта простая, почти деревенская картина почему-то согрела мне душу, наполнила её странным чувством умиротворения.

Когда я закончила с водой, Павел, видя мою готовность, предложил подождать, пока баня как следует прогреется, а сам отправился на поиски дополнительных дров. Я осталась одна, глядя на потрескивающий огонь в печи. В этот момент я вдруг отчётливо осознала, что, возможно, впервые за долгое время стою на пороге настоящей, самостоятельной жизни.

Пока Павла не было, я взяла ведро с водой и тряпку и начала наводить порядок в бане. Сначала вымыла полки, затем тщательно протёрла полы. Поменяв воду, взялась за лавки в предбаннике. Работая, я чувствовала, как с каждым движением возвращается ощущение контроля над собственной жизнью.

Когда я закончила уборку, баня сияла чистотой. Я с удовлетворением огляделась вокруг. Теперь можно было спокойно помыться, не опасаясь наткнуться на многолетнюю грязь, скопившуюся за годы отсутствия здесь людей. В этот момент я поймала себя на мысли, что, возможно, это место станет моим настоящим домом, а Павел — не просто случайным соседом, а человеком, который поможет мне начать новую жизнь.

И пусть впереди ещё много трудностей, но сейчас, стоя в чистой бане, я чувствовала, как внутри меня крепнет уверенность в собственных силах. Я смогу. Смогу построить свою жизнь так, как хочу сама, без указаний и требований семьи. Смогу быть по-настоящему свободной.

Глава 5

Ожидание тянулось медленно, но каким-то особенным, почти целебным образом. Я присела на покосившееся крыльцо бани, подставив лицо тёплому вечернему воздуху. Терпкий запах дыма, поднимающийся от трубы, окутывал меня, словно старое одеяло, хранящее воспоминания о детстве.

В памяти ожили картины далёкого прошлого — детские поездки в деревню к бабушке, летние вечера, когда вся семья собиралась возле бани. Помню, как мы по очереди заходили внутрь, как мама передавала мне веник, как отец шутил, поддразнивая нас с братьями. Это было время единения, очищения не только тела, но и души. Время, когда все заботы отступали, а семейные узы становились крепче.

Эти давно забытые чувства всколыхнули во мне странную смесь грусти и тёплого, почти забытого ощущения дома. Где всё это теперь? Куда делись те простые радости, которые когда-то казались вечными? Я — единственная дочь в семье, и именно на мне словно обрушился весь этот водоворот перемен.

Правила в семье менялись, словно по чьей-то злой воле. То, что раньше казалось естественным, теперь превратилось в каменную стену требований и ограничений. Я выросла, а отношение ко мне становилось всё более жёстким, словно

семья пыталась загнать меня в какие-то невидимые рамки. Новые правила и требования убивали во мне личность, превращая в послушное орудие чужой воли.

Мои размышления прервал звук шагов. Павел вернулся с охапкой дров, его лицо светилось от удовольствия. Жар из щелей бани уже всюду вырывался наружу, обещая долгожданное тепло.

— Ну что, готова? — спросил он с каким-то мальчишеским предвкушением в голосе. — Вода горячая, веник есть. Правда, берёзовый, не знаю, любишь ли ты такой.

Я улыбнулась, чувствуя, как напряжение покидает тело. Берёзовый веник? О, это было именно то, чего мне не хватало. В детстве я никогда не была привередливой в таких вещах, а потом... потом у меня просто не было возможности наслаждаться такими простыми радостями. Сейчас же я жаждала ощутить горячий пар на коже, почувствовать, как горячая вода смывает не только грязь, но и тревоги.

— Пойду первая, если ты не против, — решила я, снова обращаясь к нему на «ты». Это обращение казалось теперь естественным, словно мы знали друг друга годами. — А ты пока дровишек подкинь.

Павел кивнул, отступая в сторону и пропуская меня. Внутри бани царил особенный мир — жаркий, влажный, наполненный ароматами дерева и трав. Павел успел запарить травы, и их запах смешивался с дымом, создавая какой-то волшебный коктейль, от которого кружилась голова.

Раздевшись, я повесила одежду на предусмотрительно закреплённую вешалку, хотя в тот момент не подумала о том, что она может намокнуть. Мурашки пробежали по коже от предвкушения. Ополоснувшись тёплой водой из ковша, я легла на полок, предварительно обдав его холодной водой и поддав пару.

Закрыв глаза, я позволила жару окутать себя целиком. В этот момент произошло что-то удивительное — все заботы, страхи и сомнения словно отступили, растворились в горячем воздухе. Осталась только я, чистая, обновлённая, свободная.

Здесь и сейчас, в этой старой бане, с этим странным, но, кажется, добрым человеком, я чувствовала себя живой как никогда, а так же самой обычной, настоящей. Возможно ли, что именно это место, эти простые радости приведут меня к той свободе, о которой я мечтала? К тому пониманию жизни, которое не могли дать мне многочисленные родственники, державшие меня в железных тисках своих правил и требований.

В этот момент я поняла, что, возможно, нашла не просто убежище, а начало своего нового пути. Пути, где я смогу быть собой, где смогу дышать полной грудью и строить жизнь так, как велит моё сердце.

И тут неожиданно для меня в парилку зашёл Павел. Он ловко плеснул кипятком на раскалённые камни, и пар окутал всё вокруг плотным белым одеялом. В этот момент я замер-

ла, словно окаменев. Ситуация была более чем неловкой — я лежала на полке лицом вниз совершенно обнажённая перед чужим мужчиной.

В голове промелькнули слова отца, его гневные тирады о приличиях, его угрозы наказания за малейшее отклонение от установленных правил. Он бы пришёл в ярость, узнав о том, что произошло сейчас. В его устах прозвучали бы самые страшные ругательства, которыми он обычно клеймил женщин лёгкого поведения.

Но странное дело — я не двинулась с места. Не попыталась прикрыться или убежать. Возможно, это было связано с тем, что в глазах Павла не было ни похоти, ни желания воспользоваться ситуацией. Только забота и внимание к процессу.

Пар окутал моё тело, обжигая кожу, но это было приятное, исцеляющее тепло. Казалось, что вместе с потом из меня выходит вся накопившаяся усталость, тревога и напряжение последних дней. Мышцы постепенно расслаблялись, мысли становились всё более спокойными, пока не наступила блаженная пустота в голове.

Берёзовый веник в руках Павла оказался удивительно мягким и ароматным. Его лёгкие похлопывания по спине и ногам разгоняли кровь, возвращая к жизни каждую клеточку тела. Это было не просто физическое воздействие — это было прикосновение к душе, исцеление от душевных ран.

Закончив процедуру, Павел молча вышел, давая мне воз-

возможность спокойно встать, помыться и ополоснуться. Я чувствовала себя обновлённой, словно заново рождённой. Вышла из бани, плотно закутавшись в полотенце, не желая надевать на себя влажную от пара одежду.

Свежий воздух ударил в лицо, когда я ступила на крыльцо. Кожа горела, а в голове царила удивительная ясность и лёгкость. Павел ждал меня, держа в руках кружку с дымящимся травяным чаем. Аромат напитка смешивался с запахом разогретого дерева и трав, создавая неповторимый букет.

— Спасибо, — прошептала я, принимая кружку из его рук. Первый глоток обжёг губы, но это было приятное тепло, разливающееся по телу.

Глядя в глаза Павла, я увидела там что-то такое, чего никогда не встречала в других людях. Это была искренняя забота, тепло и понимание, которых мне так не хватало в собственной семье. Даже в глазах матери я не видела столько теплоты и участия, сколько сейчас читалось в его взгляде.

В этот момент я поняла, что, возможно, судьба привела меня сюда не просто так. Этот человек, этот дом, эта баня — всё это стало частью моего пути к новой жизни, к свободе и самостоятельности. И, возможно, здесь я найду то, чего так долго искала — понимание и принятие такой, какая я есть.

Вечер медленно опускался на землю, окутывая всё вокруг мягкими, бархатными тенями. Воздух становился прохладнее, и я чувствовала, как последние лучи заходящего солнца нежно касаются моего лица. Мы сидели молча на по-

сившемся крыльце бани, наблюдая за тем, как угасает закат, окрашивая небо в удивительные оттенки розового и оранжевого.

В тишине раздавалось лишь потрескивание дров в печи да монотонное пение сверчков, которые словно вели свою вечернюю песнь. В этот момент я отчётливо почувствовала, как между мной и Павлом возникает какая-то особенная связь. Что-то большее, чем просто благодарность или обычная симпатия. Это было необъяснимое чувство доверия и понимания, словно мы знали друг друга гораздо дольше, чем несколько часов.

Возможно, именно здесь, в этом старом домике, вдали от городской суеты и семейных разочарований, я наконец-то смогу обрести тот покой, которого так долго искала. В этой простой бане, где каждый предмет наполнен теплом и уютом, где каждый шорох кажется частью какого-то особого ритуала. Мне так отчаянно хотелось в это верить. И в этот момент я поймала себя на мысли, что хотела бы, чтобы Павел всегда был рядом.

Когда усталость дала о себе знать, я вернулась в дом. Там я переоделась в уже успевшую просохнуть одежду и легла на не заправленную постель. Матрас был жёстким, но после насыщенного дня это казалось даже приятным. Павел всё ещё был в бане, заканчивал какие-то свои дела.

Мысли медленно кружились в голове, но ни одна из них не могла задержаться надолго. Усталость взяла своё, и я посте-

ленно погрузилась в глубокий, исцеляющий сон. Сквозь дрему я почувствовала, как кто-то заботливо подложил мне под голову подушку и укрыв тёплым одеялом. Но сил открыть глаза и поблагодарить за эту заботу у меня уже не было.

В полусне промелькнула мысль о завтрашнем дне: нужно будет собрать ягоды и отнести их в пекарню. Но теперь, когда объявился хозяин дома, это станет настоящей проблемой. Возможно, даже невыполнимой задачей. Однако об этом я подумаю завтра. Сейчас же моё тело, словно понимая, как важно восстановить силы, погрузилось в крепкий, безмятежный сон.

Сон был глубоким и спокойным, без всяких сновидений. Моё тело, измученное последними событиями, наконец-то получило возможность отдохнуть и набраться сил для новых испытаний. Ведь впереди меня ждало главное — борьба за право жить так, как я хочу, вдали от удушающих правил и требований семьи. И, возможно, именно здесь, в этом старом доме, рядом с этим необычным человеком, я найду силы для этой борьбы.

Глава 6

Засыпала я в состоянии полного блаженства после бани, а пробуждение оказалось резким и совершенно неожиданным.

— Просыпайся, пора приводить в порядок участок! — услышала я сквозь сон бодрый голос Павла. Его слова ворвались в моё сознание, словно свежий ветер в душную комнату.

Я нехотя села на кровати, потирая сонные глаза.

— Я снова попала в рабство без своего согласия? — пробормотала я, всё ещё находясь в полудрёме.

— А ты до появления в моём доме была в нём? — ответил он с лёгкой насмешкой в голосе.

— Можно и так сказать... Кстати, что планируешь делать с ягодами? — спросила я, быстро приходя в себя. Не хотелось тянуть с этим разговором. Нужно было сразу прояснить ситуацию и решить, чем займёмся хотя бы в ближайшие часы. К тому же, я дала обещание хозяйке пекарни и очень хотелось его выполнить. А еда нам точно пригодится, особенно теперь, когда нас двое.

— Я ничего. А у тебя есть планы на них? — снова вопросом ответил Павел.

— Да. Могу отнести их в пекарню и получить за них еду, — произнесла я и вдруг замерла, уставившись на мужчину.

Мои глаза невольно расширились от изумления. Передо мной стоял совершенно другой человек! Вчерашний

неопрятный мужчина лет пятидесяти словно растворился в воздухе. Сейчас передо мной стоял ухоженный мужчина лет тридцати пяти, может, чуть старше.

Его преображение было настолько разительным, что у меня перехватило дыхание. Вместо неухоженного заросшего человека я увидела подтянутого мужчину с прекрасной осанкой. На нём была чистая синяя рубашка и тёмные брюки, которые подчёркивали его стройную фигуру. Аккуратно подстриженные волосы выгодно оттеняли резкие черты лица, а ухоженная борода идеально подчёркивала линию скул и нижней подбородок.

Но больше всего меня поразили его глаза. Вчера они казались потухшими и безжизненными, а сейчас горели живым светом, полным энергии и какой-то скрытой силы. В них читалась решительность и внутренняя мощь, которую я не замечала вчера.

Я залюбовалась этим преображением, не в силах отвести взгляд. Это был совершенно другой человек — уверенный, сильный, привлекательный. Никакой схожести с тем пугающим незнакомцем, которого я встретила прошлым днём.

— Ты... ты что, волшебник? — вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать. Я тут же прикрыла рот рукой, чувствуя, как краска заливает щёки. Слова прозвучали так глупо, что я почувствовала себя наивной девчонкой, которая бесцеремонно разглядывает мужчину.

Павел лишь усмехнулся, глядя на моё смущение, и в его

глазах промелькнуло что-то тёплое, почти ласковое.

Он улыбнулся — и эта улыбка совершенно преобразила его лицо. Она была такой искренней, такой открытой, что на мгновение перехватило дыхание. Его губы, обычно сжатые в тонкую линию, теперь изгибались в тёплой, почти ласковой улыбке. В этот момент я поймала себя на мысли, что его внешность оказалась гораздо привлекательнее, чем я предполагала.

— Нет, я не волшебник, я только учусь, — ответил он, легко рассмеявшись. Его смех звучал так непринуждённо и заразительно, что я невольно улыбнулась в ответ. — Просто я решил привести себя в порядок. Баня творит чудеса, а ещё у меня нашлись запасы чистой одежды и всего необходимого для гигиены. Вот и результат. А теперь поговорим о ягодах. Ты действительно собираешься отнести их в пекарню?

— Да, — кивнула я, всё ещё не в силах отвести взгляд от его преображённой внешности. — Надеюсь, мне дадут за них больше еды, чем вчера. У нас почти ничего не осталось.

— Пойдём вместе, помогу тебе собрать, — предложил Павел, мягко подталкивая меня к выходу. Он протянул руку, помогая подняться с кровати, и его прикосновение оказалось неожиданно тёплым и бережным. — И пока будем собирать ягоды, расскажешь, почему ты говорила о рабстве.

Мы вышли на участок. Утреннее солнце, ещё невысокое над горизонтом, заливало росу золотистым светом, превращая каждый листок в крошечное зеркало. Участок был

огромным — заросший, запутанный, полный тайн и возможностей. Среди густых зарослей виднелись ягодные кусты, старые деревья отбрасывали причудливые тени, а цветущие растения создавали пёстрый ковёр. Я поняла, что работы здесь хватит не на один день.

— Знаешь, я была настолько измотана, когда пришла сюда», — начала я, собирая мысли в кучу. — Мои родственники... они буквально поработили меня. Каждый мой шаг контролировался, каждое решение должно было быть одобрено. Я не имела права даже подумать о чём-то своём, не говоря уже о том, чтобы сделать. Постоянное напряжение, стресс, чувство, что ты живёшь не своей жизнью... А когда я увидела тебя вчера, такого неопрятного и мрачного, мне показалось, что я попала в ещё более ужасное место.

Павел слушал внимательно, не перебивая, лишь изредка кивая. Его присутствие рядом давало странное ощущение защищённости. Когда я закончила свой рассказ, он помолчал несколько секунд, словно взвешивая слова, прежде чем ответить.

— Я понимаю, — произнёс Павел тихо, словно каждое слово давалось ему с трудом. — Я тоже прошёл через многое. Но я не хочу, чтобы ты чувствовала себя здесь несчастной. Постарайся посмотреть на всё с другой стороны. У нас есть крыша над головой, есть земля, есть ягоды, фрукты... Мы сможем наладить жизнь. Работа будет, но и отдых тоже найдётся. Вместе мы справимся со всем, что бы ни случилось.

Его слова звучали так искренне, что на мгновение я забыла о своих страхах. Мы продолжали идти по участку, собирая ягоды в большое ведро. Павел помогал мне, и я не могла не заметить, как легко и непринуждённо он справлялся с тем, что ещё вчера казалось мне непосильной ношей. В его глазах я видела не только силу и решительность, но и доброту, которая почему-то смущала меня.

Может быть, я действительно поспешила с выводами о нём? Может быть, всё это не похоже на рабство, а просто новый этап в моей жизни, возможность познать мир по-другому? Эти мысли крутились в голове, но где-то глубоко внутри меня сидело тревожное чувство — предчувствие того, что рано или поздно боль придёт. Жестокая, пронзительная боль разочарования. Но сейчас... сейчас я решила отдаться происходящему, насладиться моментом.

Мне нравилось здесь, нравилось ощущение свободы, которой я была лишена в своей семье. Нравилось, что никто не указывает мне, что делать, как одеваться, с кем общаться. Я могла дышать полной грудью, могла принимать собственные решения, пусть даже они были незначительными. Быть подальше от того тотального контроля, который стал моей реальностью в последнее время.

Вспоминать о семейном особняке не хотелось. Там, за высокими стенами, царили свои правила, свои законы, которые я больше не желала принимать. Если меня найдут, если родственники узнают, где я нахожусь, то контроль станет ещё

жёстче, ещё невыносимее. Нет, туда мне возвращаться нельзя.

Пока я собирала ягоды, мои мысли то и дело возвращались к Павлу. Как он изменился за одну ночь! Словно сбросил с себя тяжёлую ношу, которая давила на него годами. Его преобразование было удивительным, почти волшебным. Может быть, и мне удастся найти в себе силы измениться, стать сильнее, независимее?

Солнце поднималось всё выше, согревая нас своими лучами. Птицы пели, насекомые жужжали в траве, а я чувствовала, как с каждым собранным горстью ягод становится легче на душе. Возможно, это место действительно станет моим новым началом. Возможно, здесь я найду то, что так долго искала — свободу быть собой.

Глава 7

Мы пробирались всё дальше и дальше, углубляясь в зелёные заросли. Кусты смыкались над тропой, и приходилось раздвигать ветви руками, осторожно прокладывая себе дорогу. Солнце припекало всё сильнее; утренняя роса давно исчезла, оставив лишь лёгкое ощущение прохлады и свежести на коже, словно память о раннем часе. Воздух был наполнен запахом нагретой травы и сладкой терпкостью лесных ягод.

Ягоды попадались неравномерно: то перед нами открывались целые кусты, усыпанные тяжёлыми, почти чёрными гроздьями плодов, то попадались лишь пустые плети, обвивавшие стволы старых яблонь, словно тени ушедшего сада. Павел, казалось, чувствовал интуитивно, где притаился урожай. Его движения были неторопливыми, но уверенными, и каждая привычная пластичность жестов выдавала человека, знающего тяжёлую работу и умеющего владеть собой.

Я же, напротив, то и дело спотыкалась о корни, цеплялась за колючие ветви и иногда даже нелепо падала в траву. Павел каждый раз протягивал руку, помогая подняться, и в этих простых движениях я ощущала нечто большее, чем заботу о случайной спутнице. Его прикосновения были мягкими и осторожными, в них слышалось особое тепло, тихая нежность, которая пронизывала усталость и будто открывала

во мне новые чувства. Никогда прежде я не испытывала ничего подобного, и от этого на душе становилось странно: радость и грусть смешивались, будто внутри открывалось новое пространство, где можно было и плакать, и улыбаться одновременно.

Ведро постепенно наполнялось. Ягод было так много, что я начинала сомневаться, смогу ли унести всё это богатство. Мы делали короткие остановки, и тогда между нами завязывались разговоры. Павел делился воспоминаниями о своём детстве, о том, как жизнь занесла его на этот заброшенный участок. Его история оказалась не менее трудной, чем моя: в ней были потери, предательство, вынужденные побег и борьба за выживание. Он говорил спокойно, без лишнего драматизма, но за простыми словами чувствовался тяжёлый груз пережитого.

И всё же в его глазах не было ни отчаяния, ни горечи. Я видела там твёрдость, негибкую силу и веру в то, что будущее можно построить заново. Его уверенность заражала: рядом с ним мне казалось, что и мои собственные страхи становятся меньше, уступая место светлой надежде.

Мы говорили о планах: как будем расчищать землю, сажать новые деревья, ухаживать за садом, строить дом и новую жизнь. Вдвоём. Вместе. Павел говорил так, словно само собой разумеется, что моё место рядом с ним. Будто он и не представлял своей жизни без меня.

К полудню солнце поднялось в самый зенит, и жара стала

почти невыносимой. Казалось, воздух застыл, наполнившись тяжёлым, дрожащим маревом. Мы решили устроить короткий отдых в тени старого дуба, чья широкая крона давала густую прохладу. Павел достал бутерброды и бутылку воды — неведомо откуда, словно по волшебству. Я даже хотела спросить, где он раздобыл всё это, но мысль тут же исчезла: в тот миг хотелось просто наслаждаться передышкой и тишиной.

Мы ели молча, будто боялись разрушить этот хрупкий покой. Простота момента оказалась такой редкой и драгоценной, что я ловила себя на мысли: именно этого я так долго искала. Здесь, среди заросших тропинок, ягодных кустов и старых деревьев, я нашла не только укрытие, но и надежду. Спокойствие. Уединение. Никого, кто бы давил, требовал, контролировал. Впервые за долгое время я могла дышать свободно.

После короткого перекуса мы снова вернулись к делу. Павел показал мне, как правильно собирать ягоды: как осторожно снимать их, не повреждая кусты, как отличать спелые плоды от недозрелых. Он рассказывал о разных видах ягод, об их свойствах и способах применения — то ли в еде, то ли в лечении. Я слушала его с жадным вниманием, впитывая каждое слово, как губка. Его спокойный голос действовал умиротворяюще, а терпение и доброта незаметно отодвигали усталость и тревогу, заменяя их тихим чувством уверенности.

Когда второе ведро наполнилось до краёв, мы направи-

лись обратно. К этому времени небо затянуло лёгкими облаками, и солнце спряталось, оставив после себя приятную прохладу. Я вдыхала свежий воздух полной грудью и чувствовала усталость — но это была светлая усталость, та, что приносит удовлетворение. Где-то внутри я уже знала: впереди ещё будет немало испытаний и проблем, но я справлюсь. Мы справимся. Вместе с Павлом. И это чувство оказалось сильнее прежнего страха и изнуряющей тревоги. Теперь у меня был он. У нас был этот участок. Наш общий путь к новой жизни.

И всё же тень сомнений не отпускала. Как долго это продлится? Что будет, когда Павел узнает, кто я на самом деле? Наверняка отвернётся... вышвырнет, пошлёт куда подальше, в тридевятое или тридесятое царство. Но я гнала от себя эти мысли. Сейчас я не хотела думать ни о прошлом, ни о своей семье, ни о побеге. Мне нужно было лишь время, чтобы набраться сил. А рядом со мной был Павел — моя самая надёжная опора.

— Я пойду, отнесу ягоды, чтобы на вечер и утро было что поесть, — сказала я, отбрасывая тяжёлые раздумья.

— Проводить? — отозвался он спокойно.

— Нет, я справлюсь сама, — ответила я и пошла умыться.

Дорога к пекарне казалась привычной, но именно на полпути я заметила вдали знакомый силуэт машины. Отцовская. Сердце ухнуло в пятки и застучало так сильно, что я едва не потеряла равновесие. В панике я метнулась за угол ближай-

шего дома, затаилась и затаила дыхание. Минуты тянулись мучительно долго. Я стояла, слушая, как в ушах гулко бьётся кровь, пока опасность не миновала. Лишь тогда решилась осторожно выйти из укрытия и продолжить путь к своей цели.

Как я и надеялась, отцовская машина проехала мимо. Ни он, ни его водитель меня не заметили, и это приносило облегчение, смешанное с дрожащей тревогой.

В пекарне я перекинулась парой слов с хозяйкой. Она привычно улыбнулась, взяла ягоды и протянула мне небольшое вознаграждение. Всё выглядело спокойно и обыденно, но внутри меня бурлило. Забрав деньги и еду, я поспешила назад к своему укрытию.

Обратный путь оказался куда напряжённее, чем дорога туда. Каждая тень казалась подозрительной, каждый шорох — предвестником беды. Я всё время оборачивалась, боясь снова наткнуться на кого-то из родственников. И, увы, предчувствие не обмануло: приближаясь к дачному домику Павла, я заметила знакомый силуэт машины отца.

Сердце ухнуло куда-то вниз. Я тут же свернула на соседнюю тропинку и окольными путями, крадучись и стараясь быть как можно незаметнее, приблизилась к дому.

Сердце колотилось так, будто хотело вырваться наружу. Я почти не дышала, двигаясь вдоль забора и стараясь не зацепить ни одной ветки, ни одного сучка. Вид отцовской машины у самого крыльца Павла предвещал беду. Что он здесь

делает? Зачем приехал? Неужели он уже что-то узнал? Эта мысль обожгла меня холодом.

Осторожно выглянув из-за куста, я увидела, как отец выходит из дома. Его лицо было мрачным, напряжённым, а взгляд метался по сторонам, будто он искал кого-то. Он что-то говорил Павлу. Тот стоял на крыльце, понутив голову, и молча слушал. Я не могла различить слов, но по их позам и выражениям лиц было ясно: разговор шёл тяжёлый. Слишком тяжёлый. И казалось, в этой напряжённой тишине решалась моя судьба.

Я затаилась, сжимая кулаки, наблюдала, как отец наконец сел в машину и уехал. Павел остался стоять на крыльце, глядя ему вслед. Его плечи были опущены, а в осанке чувствовалась странная обречённость. Он казался потерянным, словно в один миг лишился почвы под ногами.

Мне стало жалко его до боли. Но ещё сильнее было другое чувство — страх. Что он сказал отцу? Рассказал ли он о моей тайне? Или, наоборот, скрывал меня?

Я подождала, пока Павел не вошёл в дом, и лишь тогда решилась выйти из своего укрытия. Сердце всё ещё билось неровно. Нужно было выяснить правду, иначе сомнения разорвут меня на части. Собравшись с духом, я направилась к дому.

Я надеялась, что Павел расскажет мне всё. Но была ли я готова услышать его правду?

Глава 8

Подойдя к дому, я остановилась у двери. Сердце колотилось так, что, казалось, его стук слышен на всю округу. Нерешительно толкнула дверь — она не поддавалась. Крючок был задвинут изнутри. Я постучала, сначала тихо, потом сильнее.

Ответа долго не было. Казалось, время растянулось. И вот наконец в замочной щели послышалось движение, и дверь скрипнула. Павел открыл её не сразу и словно нехотя, будто решался на этот шаг против воли.

Его лицо я узнала не сразу. Красные глаза выдавали, что он недавно плакал или изводил себя тяжёлыми мыслями. Увидев меня, он нахмурился — и в этом взгляде не было привычного тепла, будто все прошлые дни, проведённые вместе, растворились в ничто.

— Что тебе нужно? — спросил он глухо, почти чужим голосом. В его тоне слышалось отчуждение, и он даже не подумал пригласить меня войти.

Слова ударили сильнее, чем если бы он просто захлопнул дверь передо мной.

— Я видела, как уезжал мой отец, — выпалила я, не в силах сдерживать ни страх, ни нарастающее отчаяние. — Что он тебе сказал? Чего он хотел?

Павел тяжело вздохнул, отведя взгляд в сторону. По его лицу было видно: встреча оставила на нём след. Сжатые гу-

бы, напряжённые скулы — он изо всех сил сдерживал себя, пряча злость и горечь, принесённые этим разговором.

— Не думаю, что тебе стоит это знать, — пробормотал он, низко опуская голову.

— Пожалуйста, Павел! — я шагнула ближе и схватила его за руку. — Скажи мне! Это ведь касается меня!

Я чувствовала, как дрожат мои пальцы, как леденеют ладони. Хотела заставить его посмотреть на меня, но он упрямо отворачивался, словно боялся, что в моём взгляде прочтёт слишком многое — или что я увижу то, что он скрывает.

Он посмотрел на меня с глубокой печалью и, наконец, кивнул, словно смиряясь с неизбежностью.

— Твой отец... он думает, что ты здесь, — прошептал он. — Он сказал, что найдёт тебя любыми путями. — Его голос дрогнул, и мир вокруг вдруг поплыл. Всё то, чего я боялась, превратилось в явь — и произошло слишком быстро. Отец узнал, где я. Что теперь будет?

Я еле уловила его ответ:

— Ты сегодня будешь спать в бане. А завтра решим, что делать. Почему ты сразу не рассказала мне всё? Почему мне пришлось что-то выдумывать в разговоре с твоим отцом и врать так, что нас могли выдать?

Павел с такой яростью ударил кулаком по стене у двери, что возле ладони побежали трещинки в штукатурке, а затем резко захлопнул полотнину прямо перед моим носом.

Я осталась стоять на крыльце, оглушённая его словами и

резкими жестами. Прохладный вечерний воздух пробирал до костей, но я почти не чувствовала холода — внутри всё горело от страха. В голове крутилась одна мысль: отец знает. Он идёт за мной по пятам.

Я прижалась спиной к холодной доске стены, стараясь унять дрожь. Павел был прав: я должна была сразу рассказать ему всё. Моя попытка защитить его, сокрыть правду, обернулась против нас обоих. Теперь мы в опасности — вдвоём.

Я взглянула на закрытую дверь и ощутила глубокое одиночество и потерянность. Впереди — неизвестность, и эта неизвестность пугала больше всего. Завтрашний день обещал решения, но сейчас, в этот момент, мне хотелось провалиться сквозь землю, раствориться в темноте, чтобы никто — особенно отец — не смог меня найти. Но я знала: это невозможно. Он всегда умел находить людей. И найдёт меня. Тогда мне не сдобровать. Тогда я рискую полностью потерять себя.

Я стояла так, слушая, как за стеной тихо поскрипывает пол, и понимала: завтра всё изменится навсегда.

Я побрела к бане как приговорённая. Мысли в голове скакали одна через другую, не давая покоя: почему отец так одержим контролем? Неужели ему нужнее держать меня в своей «золотой клетке», лишая права выбора? Я хотела лишь жить собственной жизнью, а не той, что он мне навязывает — и эта простая мысль вырывала из груди ком.

В бане было сыро и холодно. Я растопила маленькую железную печурку и, согнувшись в уголке, уставилась в пламя, будто в нём можно было найти утешение. Огонь плясал, отбрасывая на сырые доски причудливые тени; в этих движениях я искала хоть какую-то подсказку, хоть знак, что всё ещё можно исправить. Дрова потрескивали, и звук казался мне единственным другом в этом чужом мире.

Уснула быстро — усталость и тревога взяли своё. Снился сон: отец с холодным взглядом и приказным тоном; его голос отдавался эхом в пустых коридорах моего детства. Проснулась в холодном поту, сердцем уткнувшись в подушку из тряпок, и резко села на деревянную лавку, вслушиваясь в тишину. За стенами лишь негромкое потрескивание в печи и редкие крики пробуждающегося утра.

На рассвете небо было свинцовым и низким, как моё собственное настроение. Я вышла из бани; воздух пощипывал лицо и казался ничуть не чище, чем накануне. Павел ждал у дома. В его взгляде не было гнева — только усталость и какое-то спокойствие, в котором слышалась горькая решимость.

— У меня есть план, — сказал он, глядя прямо мне в глаза. — Но он рискованный.

Я вдохнула с надеждой: неужели у меня появился союзник, человек, который поможет наконец уйти от отца?

— Какой? — выдавила я, стараясь не показать, как дрожит голос.

Павел на секунду замялся. Его лицо пребывало в тени, и я увидела, как он взвешивает каждое слово.

— Я помогу тебе скрываться дальше от твоего отца, — произнёс он тихо, — но взамен ты выйдешь за меня замуж.

Слова ударили по мне, словно ледяной водой. Мириады мыслей хлынули в голову одновременно: безопасность или свобода? Любовь или сделка? Я стояла, ошеломлённая, и в голове будто застыл только один звук — собственное сердце, бьющееся слишком громко.

— Что? — вырвалось у меня, прежде чем я успела обдумать ответ.

Замуж? За Павла? Я моргнула несколько раз, пытаюсь уловить смысл сказанного. Это было настолько неожиданно, что сознание на секунду отказалось принимать услышанное. Мысль металась из стороны в сторону: замужество — серьёзный шаг, почти приговор. А его предложение, каким бы благородным оно ни казалось, всё равно звучало как сделка. Но если это и вправду единственный выход?..

— Ты... ты серьёзно? — прошептала я, чувствуя, как жар поднимается к лицу и щёки вспыхивают. Конечно, Павел мне нравился, его забота и сила вызывали во мне доверие, но выйти за него замуж, когда мы знакомы меньше двух дней?.. Это было безумием.

— Абсолютно, — ответил он, глядя прямо в глаза, не отводя взгляда. Его голос звучал твёрдо, в нём не дрогнуло ни одной ноты. — Твой отец никогда не станет искать тебя в до-

ме твоего мужа. Это даст нам время. Мы выиграем несколько дней, может, недель, чтобы придумать что-то ещё. Другого выхода я не вижу.

Я стояла молча, и внутри меня бушевал целый ураган эмоций. Страх перед отцом, отчаяние от собственной беспомощности, слабая, но всё же теплящаяся надежда и странная благодарность Павлу за то, что он готов рискнуть ради меня. Всё смешалось в один тяжёлый клубок, сжимающий грудь. Я смотрела на его серьёзное, сосредоточенное лицо и понимала: он действительно готов поставить на кон многое ради моего спасения. И, может быть, это мой шанс. Мой единственный шанс.

— Хорошо... — выдохнула я еле слышно, но достаточно, чтобы он уловил каждое слово. — Я согласна.

В его глазах мелькнула искра — то ли облегчение, то ли радость, то ли что-то ещё, чего я не успела распознать. Павел глубоко вздохнул и шагнул ко мне ближе. Его ладонь уверенно сомкнулась на моей руке — тёплая, крепкая, надёжная. От этого прикосновения мне стало чуть легче дышать, хоть сердце всё ещё билось слишком быстро.

— Тогда пошли, — сказал он, и в его голосе прозвучала решимость. — Нам нужно подготовиться. Сегодня же сыграем свадьбу. Чем скорее, тем лучше.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Свадьба. Сегодня. Настоящая ли она будет или лишь обман ради спасения? Но времени на сомнения больше не оставалось.

Глава 9-1

Свадьба в спешке? Это звучало как безумие. Но в моей ситуации безумие было предпочтительнее верной гибели от рук отца и его людей. Лучше уж шагнуть в неизвестность, чем покорно ждать, когда меня настигнет мрачная участь.

Павел действовал решительно и удивительно быстро. Он сделал несколько звонков друзьям, и, к моему изумлению, никто из них не задавал лишних вопросов. Более того — в их голосах слышалась поддержка, даже воодушевление, словно они понимали, что дело не в романтике, а в спасении. За считанные часы всё закрутилось в головокружительной суматохе: кто-то привёз платье — простое, но светлое, словно специально для меня сшитое; кто-то достал кольца; другие занялись едой и напитками.

Несколько часов пролетели как миг. Я не успела толком осознать происходящее. На даче накрыли скромный стол, рядом дымился мангал, и запах жарящихся шашлыков перемешивался с ароматом свежих трав и осеннего ветра. Всё выглядело не как свадьба, а как дружеская встреча, как случайный праздник, собранный наспех. Но в этом спонтанном хаосе была душа. Была искренность.

Когда началась церемония, я словно оказалась внутри сна. Слова регистратора долетали до меня приглушённым эхом, будто из-под воды, а лица немногочисленных гостей расплы-

вались, становясь похожими на неясные силуэты. Я видела лишь Павла. Он стоял рядом — высокий, собранный, уверенный, и это немного успокаивало.

Что я чувствовала? Благодарность — да. Надежду — несомненно. А любовь?.. Пока нет. Или всё-таки да? Может быть, она ещё не оформилась в чёткое чувство, но её зачатки уже теплились во мне. И я ловила себя на мысли: а вдруг этот брак, пусть и вынужденный, может однажды стать настоящим? Может быть, у нас получится построить что-то большее, чем просто сделку ради моего спасения? Мне хотелось в это верить. Очень хотелось. Но внутри сидел страх: а вдруг я для него останусь лишь удобным предлогом, просто игрушкой в его руках?

После торжества шум постепенно стих. Гости разъехались, и мы остались вдвоём. Вечернее небо темнело, и в этом сгущающемся полумраке я почувствовала особую тишину. Павел смотрел на меня пристально, но уже иначе — не как на беглянку, не как на обузу, а с какой-то новой, незнакомой мне нежностью. Его взгляд был мягким, почти трепетным, и от этого у меня по спине пробежал холодок, смешанный с теплом.

— Теперь мы муж и жена. У тебя новая фамилия, и это даст тебе преимущество. Так будет легче скрываться от отца, — произнёс он тихо, но уверенно. — Перед законом и перед людьми мы теперь связаны. Но ты должна знать: я не стану ничего требовать от тебя. Мы можем оставаться друзьями,

соседями под одной крышей — пока не найдём выход из этой ситуации.

Я кивнула, чувствуя, как в горле встал тугой ком. Его слова звучали не как пустое обещание, а как клятва. В них было столько честности и благородства, что я не смогла сдержать слёз. Горячие капли сами скатились по щекам, и в этот момент Павел осторожно обнял меня. Его объятия были крепкими и тёплыми, и впервые за долгое время рядом с ним я снова ощутила себя в безопасности, словно вокруг нас выросла невидимая стена, не подпускающая страх и боль.

Может быть, этот брак по расчёту действительно станет самым судьбоносным событием в моей жизни. Но сердце всё равно нашёптывало тревожные вопросы. Каков его личный интерес в этом союзе? Почему он так решительно встал на мою сторону? И самое главное — откуда он знает моего отца? Я почти не сомневалась, что знает. И знает слишком хорошо. Но откуда?

Мысли роились, как пчёлы, жала изнутри и не давая покоя. Я украдкой взглянула на Павла. Его лицо было спокойным, но в глазах мелькала тень — будто он скрывал что-то важное, что-то, о чём пока не хотел говорить.

Он вдруг чуть отстранился, всмотрелся в меня и, уловив моё смятение, посерьёзnel.

— Я вижу, ты о чём-то думаешь, — сказал он негромко. — Не бойся спрашивать. Теперь мы команда.

Я глубоко вздохнула, собираясь с духом, словно готови-

лась шагнуть в пропасть.

— Павел, — произнесла я едва слышно, но твёрдо, — ты... ты как-то связан с моим отцом? Ты ведь знаешь, что он за человек. Знаешь, почему он так со мной поступает?

Он замолчал. Тишина повисла в комнате, только потрескивал где-то в углу недогоревший фитиль свечи. Павел будто искал правильные слова, но каждое из них, казалось, давалось ему с трудом.

Глава 9-2

— Я знаю твоего отца, — наконец сказал он низким голосом. — И знаю, что он совсем не тот человек, за которого себя выдаёт. Внешне он — уважаемый, влиятельный, умеющий держать маску. Но за этой маской скрывается другое лицо. Поверь, я слишком хорошо видел его настоящего. — Павел сжал кулаки, словно стараясь унять дрожь. — Я тоже оказался втянут в его дела. И этот брак... — он сделал паузу и посмотрел прямо мне в глаза, — это не просто формальность. Это единственный способ защитить и тебя, и себя от его влияния.

Я замерла. В его словах чувствовалась сила и правда, но вместе с тем они рождали ещё больше вопросов, чем развешивали.

— Защитить? — мой голос дрогнул, а сердце заколотилось ещё сильнее. — От чего именно? От кого?

Павел отвернулся, подошёл к окну и прижался ладонью к холодному стеклу. Снаружи сгущались сумерки, небо медленно темнело, будто и сама природа откликалась на нашу тяжёлую беседу.

— От того, что он может сделать с тобой, если ты останешься одна, без моей поддержки, — голос Павла стал твёрже, почти холодным. — От его долгов, от его врагов. Ты — его единственная дочь среди пятерых сыновей, и это делает

тебя особенно уязвимой. В его мире женщина не ребёнок и не наследница, а разменная монета. А я... — он замолчал на миг, будто решая, стоит ли говорить дальше, — я тоже оказался в его паутине. От него я и пытался скрыться здесь, в этом доме. Но твой отец нашёл нас обоих по твоему телефону, который ты прихватила с собой из семейного дома. Кстати, теперь он у него.

Я смотрела на его спину, пока он не двигался у окна, и пыталась осмыслить услышанное. Всё это казалось безумным, нереальным, словно я вдруг оказалась героиней запутанного детектива или драмы, где нет места случайностям. Но холодный страх, поселившийся во мне с тех пор, как я сбежала из родительского дома, теперь переплёлся с новым, странным и непривычным чувством — доверием к этому человеку, который ворвался в мою жизнь так неожиданно и при этом знал о моём отце больше, чем знала я сама.

«Долги? Враги? Паутина?» — эхом отдавались слова Павла в моей голове. Я лихорадочно перебирала воспоминания, пытаясь сопоставить образ отца, которого знала я, с тем монстром, которого описывал Павел. Да, отец всегда был жестким, властным, привыкшим подчинять своей воле всех вокруг. Он мог наорать на нас, унижить, наказать молчанием или взглядом, от которого хотелось провалиться сквозь землю. Но чтобы настолько?..

Перед глазами всплывали детали, на которые я раньше не

обращала внимания: поздние звонки, резкие смены настроения, внезапные поездки, запертые кабинеты, куда нельзя было входить. Его редкие улыбки, которые никогда не доходили до глаз. И холод, который он излучал, когда принимал решения, касавшиеся «дела». Мы не знали, чем именно он занимается, но всегда верили, что это — бизнес. Обычный бизнес.

А если это была ложь? Если вся наша жизнь — его красивая декорация, прикрывающая бездну?

Павел повернулся ко мне, и в его глазах читалась искренняя тревога, перемешанная с решимостью.

— Я понимаю, — начал он тихо, почти шёпотом, — тебе трудно в это поверить. Но поверь, ты в опасности. И я тоже. Только вместе у нас есть шанс выжить. — Он сделал шаг ко мне и осторожно взял мою руку в свою, словно боялся, что я отдерну её. — Доверься мне. Дай мне время доказать, что всё, что я говорю, — правда.

В его прикосновении было что-то большее, чем просто поддержка: сила, уверенность, обещание защиты. Его ладонь была тёплой, и эта простая, почти бытовая деталь вдруг разломила лёд, сковывавший мою душу. Я неожиданно поняла, что впервые за долгое время чувствую себя не одинокой в многолюдном мире. Страх, конечно, никуда не исчез, но рядом с ним вспыхнула крошечная искорка надежды. Надежды на то, что Павел действительно говорит правду. Надежды на то, что вместе мы сможем выстоять против отца и его

тёмных дел.

— Хорошо... — прошептала я, голос дрогнул, и слёзы сами побежали по щекам. — Я доверяю тебе. Но... расскажи мне всё. Я должна знать, с чем мы имеем дело.

Павел кивнул, крепко сжимая мою руку, будто заклинал меня не бояться.

— Я расскажу, — произнёс он твёрдо. — Всё, что знаю. Но не сейчас. Сейчас нам нужно отдышаться и собраться с мыслями. Завтра утром поговорим. — Его голос звучал так уверенно, что я не решилась спорить что-либо ещё.

Он отвёл меня к дивану, аккуратно укрыл плечи пледом, словно я была чем-то бесценным и хрупким. Потом сел рядом, не отпуская мою руку.

— Постарайся уснуть, — тихо сказал он. — Я буду рядом.

Я закрыла глаза, стараясь уловить его дыхание, ровное и спокойное, будто убаюкивающее. Внутри всё ещё бушевал хаос из страхов, догадок и воспоминаний, но сквозь этот ураган начало пробиваться новое чувство — чувство благодарности и робкой, хрупкой надежды на светлое будущее.

Я знала, что ночь будет долгой, а утро — тяжёлым. Но впервые мне казалось, что у меня есть союзник. Настоящий.

Глава 10-1

Утро пришло быстрее, чем я ожидала. Казалось, что я лишь закрыла глаза, а уже услышала тихий шелест ветра за окном и далёкое щебетание птиц. Солнечные лучи робко пробивались сквозь занавески, осторожно касаясь пола и простыней, словно боялись нарушить хрупкое спокойствие этой комнаты — комнаты, где мы впервые провели ночь как муж и жена.

Павел не спал. Он сидел в кресле у окна, слегка сгорбившись, и его взгляд был устремлён куда-то вдаль. В этой позе чувствовалась сосредоточенность, тяжесть мыслей, словно он пытался решить внутри себя задачу, не имевшую правильного ответа. Когда он заметил, что я проснулась, на его лице мелькнула усталая улыбка. Он поднялся, подошёл и протянул мне чашку горячего чая.

— Доброе утро, — тихо сказал он, почти шёпотом, будто боялся спугнуть этот зыбкий покой. — Как ты себя чувствуешь?

— Лучше, — ответила я, глотнув обжигающий напиток. Его тепло растеклось по телу, придавая немного уверенности. — Я готова услышать всё, что ты знаешь.

Павел вздохнул, опустил взгляд, и я почувствовала: его рассказ будет тяжёлым не только для меня, но и для него. Несколько мгновений он молчал, словно собирался с сила-

ми, а затем начал.

Он говорил сначала спокойно и размеренно: о том, что когда-то они с моим отцом были партнёрами по бизнесу, о совместных проектах, которые казались перспективными и честными. Но постепенно его голос становился всё более глухим и напряжённым. Он рассказал о долгах моего отца, о его тайных связях с людьми из криминального мира, о том, как постепенно эти связи превратили его в пешку и заложника чужих игр.

Павел признался, что однажды стал невольным свидетелем сделки, которая перевернула его жизнь. С тех пор он жил как под прицелом, понимая, что любое лишнее слово или движение могут стоить ему свободы, а может и жизни. Именно поэтому он скрывался в этом доме, надеясь хотя бы ненадолго вырваться из паутины, которую плёл мой отец. Но теперь, после того как мы оказались вместе, прятаться стало невозможно: отец нашёл его, а значит, и меня.

— Он не остановится, — сказал Павел твёрдо, — пока не получит то, что считает своим. И если ты останешься одна, он обязательно сделает из тебя пешку в своих играх.

Я слушала, и с каждым словом передо мной рушился привычный образ моего отца. Человека, которого я всю жизнь считала сильным, властным, но справедливым. В моей памяти всплывали сцены из детства: его суровые, но тёплые слова поддержки, редкие улыбки, строгий взгляд. И всё это теперь окрашивалось в мрачные тона, как будто за фасадом забот-

ливого родителя скрывался монстр, умело притворявшийся человеком.

Я не хотела верить. Душа протестовала, кричала, что это невозможно. Но в то же время сердце подсказывало: Павел не лжёт. В его голосе звучала не только правда, но и боль, слишком живая, чтобы быть выдумкой.

Я ощущала, как внутри поднимается волна ужаса и отчаяния. Но вместе с ними рождалось и другое чувство — доверие. Пусть мир вокруг рушился, но рядом был человек, который не побоялся раскрыть мне правду и взял на себя ответственность защитить меня.

И я поняла: выбора у меня нет. Либо я доверяю Павлу и иду с ним до конца, либо остаюсь одна — против отца, против его врагов, против целого мира, в который я никогда не хотела попасть.

После его рассказа в комнате воцарилась тяжёлая, вязкая тишина. Даже огонь в печи будто утих, превратившись в тлеющие угли. Я сидела неподвижно, пытаюсь переварить услышанное. В груди сдавило так сильно, что стало трудно дышать. Казалось, мир рушился прямо у меня на глазах, и единственным, что удерживало меня от падения в бездну, был взгляд Павла. В его глазах я видела искреннюю тревогу, но и решимость, которую не спутать с притворством. Он знал, на что идёт.

Я понимала: впереди нас ждёт долгий и трудный путь. Мы будем идти по тонкому льду, и любое неверное движение

способно отправить нас в пропасть. Но мысль о том, что рядом со мной есть Павел, придавала силы. Вместе мы сможем противостоять отцу и его тёмным делам.

Только вот одна мысль не давала покоя. Она свербела в голове, пока я наконец не решилась произнести её вслух:

— Как мне дальше прятаться, зная, что отец снова может появиться здесь? — мой голос прозвучал тихо, но дрожь выдала всю мою тревогу.

Павел нахмурился, прошёлся по комнате и остановился, задумчиво почёсывая подбородок. Его лицо потемнело, черты заострились.

— Прятаться больше не вариант, — твёрдо сказал он, встретившись со мной взглядом. В его глазах горел холодный огонь. — Он уже подозревает, что ты здесь. Любая новая попытка скрыться лишь отсрочит неизбежное. Нам нужно действовать первыми.

Моё сердце сжалось, словно от ледяной воды.

— Что ты предлагаешь? — спросила я, чувствуя, как тревога растёт с каждой секундой, превращаясь в липкий страх.

Павел подошёл к окну, раздвинул занавески и пристально всмотрелся в серое небо за стеклом, словно искал там ответ. Его силуэт на фоне света казался одновременно надёжным и неприступным, как скала.

— Мы должны подготовиться к его визиту, — произнёс он наконец. — Укрепить дом, продумать каждый шаг. И главное — собрать больше информации о том, чем именно он

сейчас занимается. Нам нужно знать, какие у него планы и кто стоит у него за спиной. Без этого мы будем слепы.

Он повернулся ко мне, и я впервые заметила, как тяжело ему самому даются эти слова. В его голосе звучала не только решимость, но и усталость человека, который слишком долго живёт в постоянной опасности.

— Этот дом может стать нашей крепостью, — сказал он. — Но крепость без защиты — лишь удобная мишень. Нам придётся показать твоему отцу, что мы не боимся. И у нас есть оружие, которого он не ожидает.

— Какое? — спросила я, затаив дыхание.

Павел подошёл ближе и положил ладонь на стол, где лежало свидетельство о браке.

— Наш союз. Ты теперь моя жена не только по словам, но и по закону. Для твоего отца это будет ударом. Он не сможет так просто объявить тебя своей собственностью. Ему придётся считаться с этим фактом.

Я смотрела на документ, и сердце билось так громко, что казалось, его стук слышен в комнате. Брак, который начинался как спасение, теперь становился щитом. Но хватит ли этого щита, чтобы выдержать натиск человека, который всю жизнь привык получать то, что хочет?

Я вздрогнула, словно от внезапного порыва холодного ветра. В груди сжалось, дыхание перехватило, но я понимала: Павел прав. Мы больше не можем прятаться. Любая попытка затаиться лишь отсрочит неизбежное.

Он подошёл ближе и взял мои руки в свои. Его ладони были тёплыми, крепкими, словно сами излучали уверенность и силу.

— Мы справимся, — твёрдо сказал он, заглядывая прямо мне в глаза. — Вместе. Я не позволю ему причинить тебе вред. И я не дам ему больше использовать тебя как разменную монету в своих грязных делах.

Его голос звучал уверенно и спокойно, но в этой тишине каждое слово отзывалось во мне громовым эхом. Я вдруг поняла, что верю ему. Безоговорочно. Впервые за долгое время я ощутила прилив надежды — хрупкой, как тонкий лёд весной, но всё же реальной. Мы больше не жертвы. Мы — бойцы.

— Хорошо, — прошептала я, крепко сжимая его руки в ответ, будто пытаюсь удержать эту уверенность и не дать ей исчезнуть. — Что нам нужно сделать в первую очередь?

Глава 10-2

Павел выпрямился, его лицо стало серьёзным, сосредоточенным. В нём чувствовалась готовность действовать.

— Во-первых, укрепить периметр, — начал он, уже мысленно составляя план. — Проверим все двери и окна, установим дополнительные замки. Я достану простейшую сигнализацию — пусть даже кустарную, но она даст нам время, если кто-то попытается проникнуть внутрь.

Я кивнула, стараясь представить, как мы превращаем этот дом в крепость.

— Во-вторых, — продолжил Павел, — перестать бояться. Особенно тебе. Теперь ты моя жена, и твой отец не сможет игнорировать этот факт. Он привык управлять тобой, как куклой, но больше у него не получится. Нам нужно будет научиться смотреть ему в глаза и не дрогнуть.

Я опустила взгляд, чувствуя, как страх всё ещё цепко держит меня за сердце, но его слова были как щит, закрывающий меня от тьмы.

— И в-третьих... — он сделал паузу, будто взвешивая каждое слово, — начать собирать информацию. Без знаний мы слепы. Я знаю пару людей, которые должны нам помочь. Но для этого придётся рисковать.

Его глаза вспыхнули решимостью, и я поняла: он готов идти до конца. А я? Справлюсь ли я с тем, что нас ждёт?

Павел отпустил мои руки и, не сказав ни слова, направился к старому деревянному шкафу, стоявшему в углу комнаты. Скрип дверцы нарушил тишину. За потёртой доской оказался спрятан сейф, массивный, с тёмным блеском металла. Павел быстро набрал комбинацию и открыл его. Сердце у меня замерло от неожиданности: я и подумать не могла, что в таком неприметном месте хранится что-то важное.

Из глубины сейфа он достал небольшую сумку. Открыв её, я ахнула — внутри были аккуратные пачки денег. Их было много, слишком много для обычного «домоседа».

— Я сейчас поеду в город, — сказал он деловито, словно это было чем-то привычным. — Закуплю всё необходимое на первое время. Запрошу кое-какую информацию о твоём отце через людей, которым ещё можно доверять. Когда вернусь — начнём укреплять наше укрытие.

Его губы тронула лёгкая улыбка, и он, чуть прищурившись, спросил:

— Твои белые рученьки готовы к труду?

— Готовы, — я постаралась улыбнуться в ответ, хотя внутри тревога не утихала. — Должна же я хоть чем-то отблагодарить тебя за помощь.

Павел кивнул, словно это было именно то, что он хотел услышать. Взяв сумку, он направился к двери. На пороге он задержался, бросил на меня долгий взгляд, полный какой-то особой решимости, и только потом вышел.

Оставшись одна, я почувствовала, как тишина дома стала

гулкой и давящей. Чтобы не сойти с ума от ожидания, я вышла в сад. Там, среди запущенных клумб и зарослей, я взялась за сорняки. Работа давалась нелегко, но она помогала отвлечься. Через час самые большие заросли были вырваны и свалены в дальний угол участка, словно куча зелёного мусора, воплощение моей ярости и усталости.

Павел всё не возвращался. Время тянулось мучительно медленно, а тревога внутри росла, как колючий ком. Чтобы не дать страху победить, я решила заняться чем-то посерьёзнее. Спустилась в цокольный этаж дома, где в темноте и сырости обнаружила старые грабли и ржавую лопату.

Вернувшись в сад, я взялась за землю. С каждым ударом лопаты по слежавшейся почве я словно выкапывала наружу все свои страхи, злость и обиду на отца. Земля была тяжёлой, с плотными комками корней, но я не останавливалась. Через какое-то время я поняла, что нахожусь на месте бывших грядок: аккуратные ряды, давно заросшие бурьяном, проглядывали сквозь слой сорняков.

Спустя ещё час мой энтузиазм угас — ладони покрылись болезненными мозолями, пальцы дрожали, а спина ныла так, что хотелось просто упасть в траву и не шевелиться. Я опустила лопату, чувствуя, как силы окончательно покидают меня.

Сердце тревожно ёкнуло: Павел всё ещё не вернулся.

Воткнув лопату в землю у крыльца, я хотела присесть на

ступеньки и перевести дух, но вдруг услышала тяжёлый гул двигателя и скрежет шин — машина приближалась. Сердце словно упало в пятки: отец. Паника холодным плевком перекатилась по всему телу. Надо прятаться — и немедленно.

Я рванулась в ближайшие, самые густые кусты смородины и крыжовника, не обращая внимания на царапающиеся ветки и липнущую к лицу соковую муть. Кроны сомкнулись над мной, и я с облегчением нырнула в зелёную тьму, прижавшись к земле. Холодная влажная земля впилась в ладони, тонкие веточки царапали лицо, но всё это казалось мелочью по сравнению с ощущением, что сейчас или вечность, или конец.

Едва я спряталась, у покосившейся калитки захрустели гравий и земля — машина отца остановилась. Двигатель заглух, и на участке воцарилась зловещая тишина, в которой каждый звук — шорох ветки, стрекот кузнечика — казался оглушительным. Сердце забилося так, что, казалось, я слышу собственный пульс не только в ушах, но и в пальцах.

Я затаила дыхание и постаралась слиться с кустами: прикрыла лицо руками, сжала лопатник, пытаюсь приглушить дрожь. Мысли метались: «Он найдет меня. Его люди обыщут дом. Они дойдут сюда. Они увидят следы. Всё — конец.» Казалось, мир сузился до нескольких квадратных метров: я, кусты и дорога, по которой сейчас шёл приговор.

Из машины вышли фигуры: тяжёлая поступь, голоса — урчание мужчин, чей тон говорил не о доброжелательстве.

Шаги приближались к крыльцу. Я услышала, как хлопнула дверь машины, как кто-то поскребся по гравию, как завязалась короткая грубая беседа — слова неразборчивы, но интонация ясна. Ноги подкашивались, в горле пересохло, дыхание почти прекратилось.

Я мысленно перебрала возможные пути отхода: скрыться глубже в кустах и надеяться, что их не раскроют; попытаться перебежать к сараю и залезть в хлев; выскочить к дороге и исчезнуть в городском потоке. Но каждая мысль наталкивалась на реальность: никто не видел меня, но и никакого безопасного выхода поблизости не было. Вдобавок — Павел всё ещё не вернулся.

Кто-то шагнул на крыльцо. Я почувствовала, как холодный пот выступил по спине. В кустах всё казалось громче: скрип двери, смывок кожи по дереву, негромкий смех, обрывки фраз. Сердце колотилось, насколько хватало сил — и в этот момент мне оставалось только одно: сидеть тихо, не дышать сильнее, чем нужно, и молиться, чтобы их шаги повернули в другую сторону.

Глава 11-1

Уткнувшись в кусты и сев на холодную землю, я едва дышала — казалось, один лишний вдох и меня он мгновенно выдаст. Сердце стучало так громко, что казалось: его слышат все вокруг. Каждое шевеление ветки, каждый шаг на дорожке отзывался в ушах как грозный приговор.

Мысли кружились беспощадно: а если меня сейчас найдут и Павел даже не узнает, что отец приезжал? Без Павла я была обречена: против его людей у меня не было ни шансов, ни защиты. Паника подступала к горлу, холод пробирал до костей, и мне хотелось завопить от бессилия.

Пока я сидела, прижимаясь к земле, люди отца безжалостно обшаривали дом и все постройки вокруг. Я видела их силуэты, слышала глухие шаги и грубые голоса. Они вломались в кухню, вскрывали шкафы, записную книжку, перелистывали бумаги — казалось, искали следы моей жизни. Они прошли по сараю, заглянули в старый погреб, разбрасывали вещи, будто хотели найти хоть малейший намёк.

Толпа у калитки сгущалась, и я с ужасом заметила фигуру отца, который вышел из машины и теперь стоял, сжимая руки в кулаках. Его лицо было другим — не просто строгим, а дико озлобленным. Глаза горели, губы сжаты, вся осанка говорила: он готов рвать и метать. Я почувствовала, как в животе всё сжалось: если он решит идти дальше — нам не

выжить.

Через несколько минут, к моей невыразимой надежде, появился Павел. Он прошёл по двору и встал рядом с калиткой, а затем начался их разговор. Сначала слова сливались в нечто неразборчивое, но затем напряжение в голосах выросло, и я смогла расслышать отдельные фразы — куски, от которых кровь стыла в жилах.

— Я ещё раз говорю тебе: я не знаю, где твоя дочь! — вырвалось у Павла, его голос дрожал, но был полон решимости. — Когда я пришёл сюда, её не было ни в доме, ни рядом. Да подумай сам: сможет ли твоя избалованная девочка жить тут? Ты держал её в «золотой клетке», где за неё всё делали.

Ответ отца прозвучал, как приговор:

— Если я выясню, что ты её скрываешь, я раздавлю тебя, как букашку! — рявкнул он. — Раньше я обещал тебя не трогать, но теперь ты не будешь спать спокойно!

Я сжала ладони в кулаки, ощущая, как ногти впиваются в кожу. Голос отца был полон угрозы, и в нём не было пустой бравады — в нём читалась холодная уверенность человека, привыкшего добиваться своего любыми средствами. Сидя в кустах, чувствовалось как кровь в жилах стыла, и я поняла: нам предстоит действовать быстрее, чем я думала. И надежда на то, что документ о браке сам по себе решит всё — хрупка и может не выдержать натиска такого человека.

Я прижалась к земле ещё крепче и постаралась сделать себя совсем незаметной. Каждое слово, каждый шаг снару-

жи ощущались как чья-то великая сила, которая может в любой момент вырвать меня из укрытия. Мне оставалось лишь ждать и молиться, чтобы Павел успел что-то предпринять — или чтобы отец ушёл, не заметив моего следа. Но в сердце уже поселилось понимание: это только начало настоящей борьбы.

Разговор между Павлом и отцом продолжался. Я слышала, как Павел сдерживает себя: в его голосе была твёрдость, но сквозила усталость и напряжение. Он защищал меня, подставляя себя под удар. В этот момент я окончательно осознала — отец способен на многое, особенно когда речь шла обо мне. Я была для него не просто дочерью: я была разменной картой, «игрушкой», которой можно распоряжаться по его воле. Его планы не включали моего согласия; он считал, что обладает правом решать за меня.

Вдруг наступила пауза. Сначала — тяжёлое дыхание, затем — шёпот, и я напрягла слух так, что косточки в ушах звенели. Отец произнёс слова, которые врезались в меня как холодный нож:

— Я найду тебя, где бы ты ни была, дочь. И ты пожалеешь, что послушалась меня.

Эти слова сверкнули в уме, как предупреждение и приговор одновременно. Калитка хлопнула — звук сотряс воздух — и шаги отца, тяжёлые и уверенные, удалились по гравийной дорожке. Их удаляющийся шум постепенно стих, пока не превратился в далёкий фон: шорох шин, редкие голоса,

затем — тишина.

Я почувствовала, как внутри распускается новое чувство — не простая надежда, а тяжёлая решимость. Отец ушёл, но угроза осталась. И теперь, когда прямо перед глазами стоял факт: он знает, что мы здесь, — нам предстояло действовать быстро и мудро.

Я ещё долго сидела в кустах, не решаясь шевельнуться. Страх держал меня в своих ледяных объятиях, не давая сделать ни вдоха, ни решительного шага. Что будет дальше? Как долго удастся скрываться? Сможет ли Павел защитить меня от отца? Эти вопросы грызли изнутри и мешали думать. Но одно было ясно как никогда: я не вернусь в ту «золотую клетку». Лучше умереть свободной, чем снова стать марионеткой в его руках.

Глава 11-2

Наконец, собрав остатки сил, я на четвереньках выбралась из зарослей и, опираясь на руки, кое-как встала. Почва под ногами шевелилась, ладони были в царапинах и грязи. Едва я подняла голову, передо мной уже появился Павел — весь такой собранный, но с настороженным выражением лица.

— Господи, на кого ты похожа? — выдохнул он, подходя ко мне и сразу же начиная осматривать: аккуратно вытаскивал из волос зацепившиеся веточки, сметал с лица прилипшую землю, заглядывал на порезы и синяки. — Как ты вообще туда забралась? — добавил он, не осуждая, а скорее поражённо. — Ни один нормальный человек не полезет прятаться туда, где сам себе причинит боль.

— Я... я боялась, — выдавила я, ощущая, как слёзы сами кладут дорожку по щекам. — Я думала, он заберёт меня прямо с участка.

Павел не отстранился. Он обнял меня так, будто хотел своим телом перекрыть всю опасность мира. Его объятие было тёплым и крепким; в нём я почувствовала крохотное, но живое убежище. Сердце стало биться чуть ровнее, но страх всё ещё звенел внутри.

— Всё хорошо, — прошептал он, прижимая меня к себе. — Они уехали. Я не позволю ему тебя тронуть.

Я подняла на него заплаканные, ещё влажные глаза. В па-

мяти всё ещё звучал голос отца: «Я найду тебя...» — и от этого холод снова пробежал по коже. Павел сжал мою руку и произнёс так, будто закладывал фундамент будущего:

— Пусть ищет, — твёрдо сказал он. — Я сделаю всё, чтобы он тебя не нашёл. Но прежде всего сейчас необходимо привести тебя в порядок. Пойдём в дом.

Он помог мне перейти в дом. Внутри меня встретил уют: мягкий свет лампы разгонял сумерки, в воздухе витал аромат сушёных трав и только что испечённого хлеба. Всё это резко контрастировало с недавним ужасом, который я пережила за пределами дома. На секунду показалось, будто я попала в другой мир — мир, где есть безопасность и покой.

Павел усадил меня на стул у кухонного стола и почти сразу поставил передо мной чашку с горячим чаем.

— Выпей, — сказал он, наклонившись чуть ближе. — Тебе нужно окончательно прийти в себя. А я пока приготовлю тебе что-нибудь поесть.

Я послушно поднесла чашку к губам и сделала несколько глотков. Чай оказался сладким, с мягким цветочным ароматом, и я почувствовала, как тепло медленно разливается по всему телу, отгоняя остатки холода и страха. На мгновение я даже закрыла глаза, чтобы уловить это ощущение покоя.

Павел между тем ловко расправлялся с бинтами и перекистью. Я и не заметила, как он аккуратно взял мои руки в свои и стал обрабатывать раны. Лёгкое жжение заставило меня вздрогнуть, и я открыла глаза. Мозоли, появившиеся ещё от

лопаты, лопнули и теперь превратились в красные кровавые пятна. Павел молча, но с сосредоточенной нежностью перебинтовывал мои кисти, словно каждая царапина была для него важна.

— Потерпи немного, — тихо произнёс он. — Ещё чуть-чуть, и будет легче.

Когда он закончил, передо мной уже стояла тарелка с горячей кашей, источающей аппетитный запах, и толстый ломоть свежего хлеба, только что вынутого из духовки. Я посмотрела на еду и почувствовала, как ком подкатывает к горлу. Аппетита не было — тревога не отпускала, мысли о словах отца снова и снова всплывали в голове, давя изнутри.

— Ешь, — мягко, но настойчиво сказал Павел, присаживаясь рядом. Его взгляд был твёрдым, но без грубости. — Тебе нужны силы. Ты должна быть готова ко всему.

Я послушно взяла ложку и сделала несколько глотков. Каша оказалась вкусной, с лёгким сливочным привкусом, но я ела без всякого удовольствия. Каждая ложка застревала в горле, будто еда становилась слишком тяжёлой. Все мои мысли всё равно были заняты им — моим отцом, его словами, его яростью.

— Что ты собираешься делать? — тихо спросила я, отставляя тарелку в сторону. — То, что ты планировал... всё ещё в силе?

Павел немного помедлил, словно подбирал слова, а потом покачал головой:

— Я придумаю что-нибудь ещё. С усилением дома я, наверное, погорячился, — он усмехнулся, но безрадостно. — Это только привлечёт лишнее внимание твоего отца. А нам сейчас нужно совсем другое. Не волнуйся. Я тебя не брошу.

Я поймала его взгляд и почувствовала, как что-то тёплое шевельнулось внутри. Его уверенность хоть на миг успокаивала меня, но страх всё равно сидел глубоко, словно яд.

— Он очень опасный человек, — прошептала я. — Он сделает всё, чтобы вернуть меня. Раньше... раньше я никогда не видела его в таком гневе. В его глазах будто не осталось ничего человеческого.

Павел нахмурился, сжал челюсти.

— Я знаю, — сказал он твёрдо. — Но я не позволю ему этого сделать. Слышишь меня? Не позволю.

Он резко поднялся из-за стола и подошёл к окну. За стеклом уже сгустились сумерки, тьма легла на двор плотным покрывалом. В доме стало особенно тихо — только тиканье старых настенных часов да треск горящей дровни в печи нарушали это спокойствие.

Я смотрела на его силуэт у окна, на напряжённые плечи, на то, как он сжал руки в кулаки, будто готов был сразиться хоть с целым миром. И думала о том, как мне повезло, что он есть в моей жизни. Павел был единственным человеком, которому я могла доверять сейчас. Единственным, кто встал между мной и бурей.

И всё же где-то глубоко внутри я чувствовала: эта буря

ТОЛЬКО начинается.

Глава 12-1

Когда убрали со стола посуду, мы принялись готовиться ко сну. К моему удивлению на диване уже было постельное бельё — не новое, но чистое и аккуратно застеленное. Этот простой жест показался мне особенно трогательным: в нём была обычная, человеческая забота, которой так не хватало в моей прежней «идеальной» жизни.

— Ножницы есть? — вдруг спросила я, нарушив тёплую тишину.

— Тебе зачем? — Павел посмотрел на меня с лёгким удивлением, его взгляд изучающе скользнул по моим рукам. В ответе слышалось не осуждение, а беспокойство. — Что ты собираешься делать?

Я глубоко вдохнула и проговорила ровно, несмотря на дрожь в голосе:

— То, что задумала не я, а ты. Пока в печи ещё тлеют последние угли, подстриги меня под мальчика — лучше бы побрить наголо. Волосы потом сожжём в пепелище, чтоб не осталось ни одного следа. Завтра я сниму покрытие с ногтей и подстригу их коротко. И без макияжа меня почти никто не видел: вставала — умывалась и тут же наносила толстый слой косметики.

— Зачем тебе это сейчас? — спросил он, всё так же спокойно, но уже с тоном, будто пытается понять логику моего

решения.

— Чтобы быть меньше похожей на себя, — ответила я. — На стрессе я и так похудела; когда волосы отрастут, проявится мой натуральный цвет — тот самый, о котором давно забыли мои родственники. С тринадцати лет я красилась, наращивала ногти, прятала свою естественность под слоями «идеального» образа. И никогда не работала тяжёлым трудом. Хочу, чтобы мои руки стали другими — работающими, настоящими, чтобы они говорили сами за меня.

Я улыбнулась — слабой, но искренней. В этой улыбке было больше, чем надежда: в ней звучал вызов прошлому и решимость начать жизнь заново, хоть на время прячась за чужим обликом. Такой образ даст мне шанс продержаться, выстоять и, возможно, однажды вернуть себе не только свободу, но и право на собственное «я».

Павел молчал долго, словно взвешивая каждое моё слово. В его глазах сквозила тревога, но и понимание тоже. Наконец он решительно подошёл к полке и достал старые ножницы — простые, но удивительно острые, будто специально ждали этого момента.

— Хорошо, — произнёс он негромко, но твёрдо. — Если это поможет тебе — сделаем.

Я села на табурет посреди комнаты. Сердце билось учащённо, ладони вспотели, будто я собралась на какой-то страшный экзамен. Павел встал позади, поднял ножницы и на мгновение замер. Его пальцы коснулись моих волос —

осторожно, бережно, словно он понимал, что сейчас не просто меняет мою внешность, а отрезает часть моей прошлой жизни.

Первый звук разрезаемой пряди прозвучал оглушительно. И вместе с ним я ощутила, как будто что-то отрывается внутри меня. Прядь за прядью падали на пол, мягко ложась у моих ног, словно тёмные обрывки памяти. С каждой новой прядью я словно сбрасывала с себя золотую клетку, в которой жила все эти годы.

Когда всё было кончено, я подняла глаза на зеркало. На меня смотрела совсем другая девушка. Лицо казалось чужим, но в то же время настоящим. Короткая стрижка обнажила мои черты, сделала их более резкими. В отражении я увидела не прежнюю избалованную дочь богатого отца, а девушку, готовую бороться за своё право на свободу. И вместе с этим во мне поднялась волна боли и разочарования: как я могла так долго не замечать, кто он на самом деле?

Павел молча собрал с пола мои волосы и бросил их в печь. Угли ожили, вспыхнув алым пламенем, и волосы быстро исчезли, оставив после себя только горьковатый запах дыма. Я смотрела на огонь и понимала: назад дороги нет.

Укрывшись на диване, я отвернулась к стене. Слезы текли беззвучно, сливаясь с подушкой. Сколько ещё предстоит их пролить, прежде чем я обрету своё счастье? Сколько ещё раз придётся прятаться, бежать, искать спасение? Когда закончится этот бесконечный кошмар? В голове кружились одни

и те же вопросы, на которые пока не было ответов.

Но глубоко внутри теплилась слабая, но упрямая искорка: теперь я изменилась. И, может быть, именно это спасёт меня.

Мне двадцать два года, а я чувствую себя пустотой. Не женщиной, не личностью — лишь обломком себя самой. Семья, которая должна была поддерживать и защищать, раздавила меня под тяжестью своих ожиданий и диктата. Я разбита ими, но ещё жива.

Проснулась я от лёгкого прикосновения к плечу. Павел стоял рядом и протягивал кружку с горячим травяным чаем. От кружки поднимался тонкий пар, пахло мятой и чабрецом. Я села, чувствуя, как тело ломит от неудобного дивана, будто каждая мышца протестует против сна. Взгляд упал на окно: за ним только-только рождался рассвет. Небо окрашивалось в нежные розовые и золотистые оттенки, словно кто-то разливал краски прямо по небесному холсту.

Выпив чай маленькими глотками, я поднялась и подошла к старому рукомойнику. Холодная вода смыла остатки сна, усталости и липкий осадок вчерашней истерики. Павел молча наблюдал за мной, будто ища в моём лице следы ночных слёз. Я поймала его взгляд и слегка улыбнулась уголками губ, чтобы показать: я держусь.

— Надо что-то придумать с ногтями, — тихо сказала я, глядя на свои длинные, ярко накрашенные ногти, нелепо сверкающие в этом простом доме.

Павел ничего не ответил, лишь подошёл к шкафчику и

протянул мне старые кусачки. Его молчание было красноречивее слов: он понимал, что сейчас для меня это не прихоть, а шаг.

Глава 12-2

Я вышла на крыльцо и уселась на деревянные ступени, подставив руки под холодный утренний свет. Вокруг пахло сырой землёй и свежестью. Вдохнула глубже, решаясь, и начала обрезать ногти один за другим. Щелчок — и отлетает кусочек яркого лака. Щелчок — и исчезает ещё одна часть гламурной жизни, к которой я больше не принадлежу.

Когда я закончила, передо мной оказались совсем другие руки — короткие ногти, чуть неровные, но живые, настоящие. Эти руки уже не выглядели как украшение для витрины чужих амбиций. Это были руки, готовые работать, держать лопату или молоток, а если понадобится — и защищаться.

Я смотрела на них и чувствовала, что меняюсь. Да, они казались чужими, непривычными, но в то же время в них было что-то правильное, настоящее. Другие руки для новой жизни.

Я не знала, что ждёт меня впереди. Возможно, испытания и новые боли. Возможно, бегство и прятки. Но одно я знала наверняка: я выживу. Я стану сильнее. Я найду свой путь. И однажды — пусть не скоро, пусть через кровь и слёзы — я обязательно буду счастлива.

Взяв обрезанные ногти с крылечка, я вошла в дом и, не колеблясь, бросила их в печь. Я хотела, чтобы всё, что напоминало о старой жизни, исчезло. Пламя хищно схватило

ногти, и они затрепетали в огне — точно так же, как ранее сгорели мои волосы. От дыма по коже пробежала дрожь, но вместе с ней пришло странное облегчение: прошлое умира-
ло буквально на глазах.

— Я пойду на пруд и постираю свои вещи, — произнесла я, чтобы как-то заполнить тишину и не слушать вновь вернувшиеся мысли о возвращении отца.

— Постирай в машинке, — тут же отрезал Павел, — у неё есть сушилка, и развешивать ничего не придётся. Так мы не будем привлекать лишнего внимания — людей возле моего дома почти не бывает, но лучше не рисковать. И если вдруг появится твой отец, знай: у нас есть запасной выход. Пока есть время и пока ещё не наступила осень, можешь прятаться в плодоносных кустах.

Я усмехнулась, хоть внутренне чувствовала укол:

— Ага, и каждый раз исцарапанной с ног до головы.

Павел нахмурился, но в его голосе не было раздражения — было простое, деловое беспокойство:

— Я подберу тебе одежду, чтобы всё тело было скрыто. Главное — безопасность. Пойдём, я покажу, где стиральная машина.

Он подвёл меня к небольшой подсобке, где стояла старая, но исправная машинка с функцией сушки. В тусклом свете лампы вещи лежали стопками: простые, неприметные — совсем не те платья и кофточки, к которым я привыкла. Павел передал мне тёплую рубашку и рабочие брюки, и в этот мо-

мент я ощутила, как нечто внутри меня сжимается и одновременно как будто расправляется: шаг за шагом я превращалась в другого человека. Не потому, что хотела, а потому что нужно было выжить.

Я машинально взяла одежду и, глядя в его серьёзный профиль, поняла: мы движемся дальше. Каждый мелкий жест, каждая вещь — это теперь часть плана, часть защиты. И хотя сердце ещё дрожало от страха, в груди появилась твёрдая мысль: я не одна.

Он провёл меня в небольшую комнату, где стояла вполне современная стиральная машина. Я только сейчас заметила её — в первый день всё было размыто, слишком много эмоций и страха заслонили взгляд. Павел спокойно объяснил, как пользоваться машинкой, показал, где лежат порошок и смягчитель. Его голос звучал уверенно и привычно, будто он делал это десятки раз, хотя трудно было представить, что такой мужчина тратит время на бытовые мелочи.

Пока вещи крутились в барабане, я решила осмотреть дом внимательнее. Здесь всё оказалось простым, но удивительно уютным. В каждой комнате чувствовался порядок и хозяйская рука: полки с книгами, аккуратно вытертая мебель, на стенах — картины с пейзажами. Казалось, что кто-то долго и терпеливо собирал этот уголок уюта. Даже лёгкая сырость, что ощущалась вчера, исчезла — дом оживал от нашего присутствия, наполнялся теплом.

В одной из комнат я заметила гитару, прислонённую к сте-

не. Она выглядела поношенной, но ухоженной.

— Ты играешь? — спросила я и обернулась. Павел словно оживился, подошёл почти торопливо, и в его движениях мелькнуло что-то неожиданное, даже немного безумное.

— Иногда, когда есть время, — ответил он, чуть смутившись. — Хочешь, сыграю?

Я кивнула, и он бережно взял гитару. Пальцы уверенно легли на струны, и комната наполнилась мягкими, мелодичными аккордами. Зазвучала грустная, но удивительно красивая мелодия — словно рассказ о потерянной любви, о боли и вместе с тем о надежде на лучшее. Я сидела, закрыв глаза, и чувствовала, как внутри что-то дрогнуло, как слёзы подступают к горлу. В этой музыке было что-то знакомое, родное, словно она отзывалась эхом в моей собственной душе.

Когда мелодия стихла, я открыла глаза и встретила его взгляд. Павел смотрел на меня иначе — с тем выражением, которого я не видела никогда и ни у кого. В его глазах читались забота, сочувствие... и какая-то тихая сила, которую трудно объяснить словами.

Я опустила взгляд, чтобы скрыть смятение. *Кто ты на самом деле, мой спаситель?* Я почти ничего о тебе не знаю — кроме того, что ты был связан с моим отцом. Ты протягиваешь мне руку, даришь защиту, но за твоей спиной тянется тень. Откуда у тебя деньги в сейфе? Почему ты живёшь в уединении? Что скрываешь за этим спокойным лицом?

В груди разрастался вихрь сомнений, но в то же время я

ощущала: рядом с ним впервые за долгое время можно выдохнуть. Пусть ненадолго, пусть обманчиво — но можно.

Глава 13-1

Переодевшись в чистые вещи, я закинула запасные в стирку и направилась на кухню — в животе урчало так, что никакой травяной чай уже не спасал. Захотелось нормальной еды. К счастью, я не раз подолгу задерживалась в кухне нашего особняка и наблюдала за работой кухарки, впитывая её движения, как будто училась без слов. И теперь эти воспоминания оказались полезными.

Я открыла старенький холодильник, слегка гудящий, и с удивлением увидела внутри набор продуктов. Значит, Павел позаботился об этом заранее — ведь вечером он кормил меня ужином, хотя я тогда была слишком разбита, чтобы задумываться о еде. Вчера всё казалось тяжёлым и серым, но сегодня... сегодня мне захотелось почувствовать вкус жизни хотя бы через завтрак.

Достав несколько яиц, молоко и одинокую помидорку, я быстро соорудила омлет. Он вышел на удивление удачным: пышный, золотистый, с аппетитным ароматом. Я поймала себя на мысли, что горжусь этим маленьким успехом. *Не пропаду. Если есть продукты, я справлюсь. Я смогу жить, даже без всей этой гламурной шелухи, которой была окружена раньше.*

— Отличный завтрак, — похвалил меня Павел, когда мы сели за стол. Он ел спокойно, но я заметила — ему действи-

тельно понравилось. — Я по делам в город. А ты чем займёшься?

— Пока ещё не решила, но одно знаю точно: копаться в земле сегодня не буду, — усмехнулась я. — Зато заметила у тебя на цокольном этаже банки с краской. Для чего они?

— В больших вёдрах — для стен и потолков, хотел освежить комнаты, — ответил Павел. — А в маленьких баночках — для крыльца.

— Ты надолго в город? — спросила я, делая вид, что вопрос случайный, хотя внутри кольнуло беспокойство.

— До вечера, — кивнул он, отодвигая тарелку. — Нужно встретиться с твоим отцом, попытаться сгладить углы. Сделаю так, чтобы он меньше подозревал, будто ты у меня.

Я постаралась не показать, как неприятно мне стало от его слов. *Значит, он будет лицемерить перед ним? И всё ради моей же безопасности...*

— Отлично, — произнесла я вслух, заставив себя улыбнуться. — Тогда я займусь твоей спальней. Начну ремонт, обновлю стены. Там ведь я видела и колеры?

Павел поднял брови. Его удивление было почти комичным.

— Откуда у тебя такие познания? — спросил он, явно не ожидая услышать подобное от девушки вроде меня. В его взгляде мелькнуло что-то между подозрением и восхищением.

— Видео в интернете, — пожала я плечами. — Дома ча-

сто смотрела, как другие делают ремонт своими руками. Ты какой цвет стен предпочитаешь?

— Выбирай сама, — хохотнув, ответил Павел. — Доверяю твоему вкусу.

Он собрался, накинул куртку и направился к выходу. Я проводила его взглядом и заметила, что в груди появилось странное чувство. С одной стороны — облегчение, ведь его рядом не будет, и я смогу хоть чем-то заняться без контроля. С другой — тревога: как только дверь за ним закрылась, тишина дома стала гуще, тяжелее, словно стены впитали её в себя.

Оставшись одна, я решила не терять времени зря и с энтузиазмом принялась за дело. Первым делом осмотрела спальню Павла. Комната была обставлена просто и практично: широкая кровать с плотным одеялом, строгий платяной шкаф, две прикроватные тумбочки и небольшой стол, у которого стоял один-единственный стул. Всё выглядело аккуратно и по-мужски, но серые обои на стенах навевали тоску. Казалось, сама комната дышала скукой и безжизненностью. Решено — серым стенам здесь не место!

Я спустилась в цокольный этаж и нашла там несколько ведёр с краской, а рядом — баночки с колером. Немного поколдовав с оттенками, добилась нежного, светло-зелёного цвета, свежего, словно весенняя трава после дождя. Кисти, валики, плёнка — всё тоже нашлось. Видно было, что Павел действительно собирался заняться ремонтом, но руки до

него пока не дошли.

Глава 13-2

Начала я с подготовки: накрыла мебель полиэтиленовой плёнкой, подложила под ноги старые газеты, чтобы не испачкать пол. Взяла валик, глубоко вдохнула и сделала первый мазок. Белая водоэмульсионка быстро освежила потолок, будто стерев с него усталость. Потом я взялась за стены.

Работа спорилась. С каждым движением валика унылый серый исчезал, уступая место мягкому зелёному. Комната словно оживала на глазах: становилась светлее, теплее, уютнее. Где-то я брала кисть, чтобы аккуратно пройти углы и труднодоступные места, и ловила себя на том, что движения мои уверенные, хоть раньше я и не держала в руках ничего тяжелее лака для ногтей.

В какой-то момент я поймала себя на улыбке. Оказывается, это приятно — видеть, как результат твоего труда меняет пространство. С каждой окрашенной стеной я чувствовала, будто обновляюсь и сама. Смываю серый налёт прошлого, отрываю старые страницы своей жизни и оставляю их там, под слоями краски.

Вскоре вся спальня наполнилась свежим запахом ремонта. Я устала, руки дрожали, на лице и шее появились капельки краски, но это было неважно. Главное — я впервые за долгое время почувствовала, что могу создавать что-то новое, а не только рушить или терять.

К обеду комната была почти готова. Краска на стенах подсыхала, оставляя за собой ровный, нежный оттенок, и оставалось лишь дожидаться, пока она окончательно схватится, чтобы нанести второй слой. Я присела на край кровати и любовалась результатом своей работы. Комната выглядела совсем иначе — светлая, просторная, словно расправившая плечи после долгого сна. Даже воздух здесь стал казаться чище и легче. Интересно, как Павел отреагирует на такие перемены? Надеюсь, он увидит, что я старалась от души.

Пока краска подсыхала, я отправилась на кухню. В буфете нашла пакет с печеньем, заварила себе чай и, устроившись за столом, с удовольствием отхлебнула первый глоток. Тепло напитка разлилось по телу, а мысли унеслись к будущему. Я представляла, как спальня будет выглядеть после завершения ремонта: может, стоит повесить на стену картину с лесным пейзажем, чтобы поддержать зелёные тона? Или большое зеркало в резной раме, которое добавит комнате глубины? В голове одна за другой возникали идеи, и во мне просыпался азарт — я давно не чувствовала такого желания творить.

Вернувшись в спальню, я проверила стены — краска уже подсохла достаточно, чтобы нанести второй слой. Теперь мои движения были гораздо увереннее: я знала, сколько краски нужно набирать на валик, под каким углом вести его по стене, чтобы не оставалось разводов. Работа спорилась

быстрее, чем утром. Я двигалась размеренно и сосредоточенно, но при этом испытывала странное удовольствие: ведь на самом деле, каждый новый мазок делал комнату ярче и чище, словно стирал остатки прошлого.

К вечеру покраска была полностью завершена. Я опустила валик в ведро и, устало выпрямившись, оглядела результат. Серой, унылой комнаты больше не существовало. На её месте стояла обновлённая, живая спальня. Тёплые зеленоватые стены будто излучали спокойствие, а белоснежный потолок добавлял простора и света. Казалось, что даже мебель теперь смотрится иначе — не угрюмо, а гармонично.

Я тяжело выдохнула и присела прямо на пол, прислонившись к стене. Усталость давила на плечи, пальцы дрожали от напряжения, но в душе было легко и радостно. Впервые за долгое время я почувствовала: я могу создавать, а не только разрушать и прятаться. В этой комнате теперь жила не только свежая краска — в ней жила моя надежда на новую жизнь.

Спустя пару часов спальня была полностью готова. Я даже нашла в шкафу несколько декоративных подушек и уютный плед — казалось, будто они ждали именно этого момента, чтобы идеально дополнить обновлённые стены. Комната преобразилась до неузнаваемости: свежие краски, аккуратно расставленная мебель, мягкие акценты текстиля — всё выглядело так, словно эта спальня сошла со страниц модного журнала о дизайне. Я любовалась результатом и чувствовала, как гордость разливается по груди. Хотелось скорее уви-

деть глаза Павла и прочесть в них реакцию на моё творение. Надеюсь, он заметит не только красоту обновлённых стен, но и то, что я вложила в эту работу частичку своей души и надежду на новую жизнь.

Я ещё раз медленно обвела комнату взглядом, стараясь запомнить каждый штрих, когда вдруг услышала за окном знакомый звук — машина подъезжала к дому. Моё сердце тут же забилося чаще, словно предупреждая об опасности. Не раздумывая, я сорвалась с места и почти бегом кинулась к стиральной машине. На автомате вытащила свои вещи, всё ещё влажные, и, прижимая их к груди, метнулась к запасному выходу.

Оказавшись на улице, я поспешила окольными тропинками, избегая открытых мест. Под ногами хрустели ветки, и каждый звук казался слишком громким, предательским. Я добралась до забора, где ещё утром заметила небольшую дыру, и, протиснувшись сквозь неё, оказалась на соседнем участке. Там, едва дыша, спряталась в густых кустах, надеясь, что зелень укроет меня от чужих глаз.

Страх заполнил каждую клеточку моего тела. Если это отец, он может заметить малейшую мелочь — оставленную вещь, распахнутое окно, даже свежий запах краски. Я боялась, что мой труд выдаст меня с головой, и тогда всё будет напрасно. А если это был Павел?.. Что он подумает, вернувшись и не найдя меня в доме? Каково будет его удивление, когда он увидит преображённую спальню? Я так хотела раз-

делить с ним этот момент, но страх оказался сильнее.

Глава 14-1

Сердце колотилось так, будто вот-вот сорвётся из груди — небольшое, но неумолимое напоминание: ты в опасности. Я сидела в кустах, вжимаясь в землю, и вслушивалась в каждый звук: скрип ветки, шорох гравия, далёкий лай собаки. Сначала раздался глухой удар — дверь машины. Затем — щёлк замка. Минуты тянулись бесконечно. Казалось, время остановилось, и только моё дыхание было способно нарушить эту паузу.

Вдруг послышался приглушённый голос. «Павел... он, наверное, зовёт меня», — прошла мысль, и от неё по телу пробежал холод: а если он с отцом? Что если это уловка? Я сжалась ещё плотнее в комок, стараясь сделать себя невидимой.

Наконец в доме воцарилась относительная тишина. Судя по звукам, Павел зашёл в спальню. Я выждала ещё немного — не решаясь двигаться, — а потом осторожно выбралась из укрытия. Ноги дрожали, руки были холодны, а в голове — сумбур мыслей: страх, надежда, усталость.

Прокравшись через дыру в заборе, я тихо направилась обратно к дому, оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что никто не заметил моего побега. Но у запасного входа меня уже поджидал он сам.

— Нашлась моя пропажа, — улыбнулся Павел, и в его голосе прозвучала ирония, и облегчение. — Новое место для

прятки нашла?

— Да... — выдавила я, и непроизвольно прижалась к нему. Его тепло мгновенно подпитало меня уверенностью.

Он посмотрел на меня с лёгким недоумением и мягкой укором:

— Ты чего? Снова испугалась? Не переживай. Отец сейчас занят. У него дома начались разборки с партнёрами твоего «несостоявшегося» жениха — те требуют расчёта по общему бизнесу. Похоже, он может лишиться своего детища.

Я почувствовала, как в животе что-то сжалось:

— Я услышала машину и подумала, что это он... — призналась я.

— Нет, — успокоил меня Павел. — Это всего лишь я. Забрал машину из автосервиса. У нас теперь есть средство передвижения. — Он будто хотел добавить что-то ещё, но сменил тему. — Я не говорю, что он отступит окончательно. Твой отец умеет быть упрямым: ему легче выдать тебя замуж, чем распрощаться с делами.

Я кивнула, внутренне принимая суровую правду. Павел вздохнул и отступил на шаг назад, принимая деловой тон:

— Но сейчас забудь об этом. Мы оба вымотаны. Пора покушать и лечь спать. Ты сегодня великолепно поработала в спальне.

Он сделал паузу, в глазах мелькнуло что-то осторожное:

— Есть ещё одно — чтобы оставлять как можно меньше следов твоего пребывания в этом доме, тебе придётся спать

со мной в одной кровати.

Слова прозвучали просто, без натиска, как практическое соображение. Я глянула на него и постаралась скрыть внутренний смятение. Мысли смешивались: безопасность, близость, и страх, что это может перерасти во что-то большее. Голос мой выдался спокойным, хоть внутри всё ещё бурлило:

— Поняла. Кровать большая — поместимся оба, — произнесла я ровно. Но про себя добавила: а что же будет дальше? Может ли эта вынужденная близость превратиться в нечто большее, и если да — хочу ли я этого?

Я чувствовала, как между нами складывается новый, хрупкий договор: он — защита и план действий; я — согласие и готовность играть роль, которая спасёт нам обоим жизнь. В комнате повисло молчание, наполненное невысказанными словами и очередной порцией ожиданий.

Вечер выдался на удивление спокойным. После дня, полного тревог и напряжения, я впервые почувствовала себя почти нормально. Павел настоял, чтобы готовил ужин он сам. На кухне он двигался уверенно, ловко орудуя ножом и сковородкой. Я наблюдала за ним украдкой и невольно удивлялась: кто бы мог подумать, что этот суровый и немногословный мужчина способен приготовить пусть простое, но вкусное блюдо? Его омлет с овощами оказался лучше моего, а аромат тушёного мяса с травами наполнил весь дом теплом и уютом.

За ужином мы разговаривали о мелочах, будто нарочно

стараясь обходить самые болезненные темы. Павел рассказывал истории из своего детства, вспоминал, как помогал отцу на стройке, как однажды провалился в реку, спасая утёнка. Я в ответ делилась школьными воспоминаниями — про подруг, про беззаботные прогулки и смешные случаи на уроках. Оба мы будто старались создать иллюзию нормальной жизни, в которой не было ни угроз, ни страха, ни моих неясных перспектив с отцом и навязанным браком. И пусть официально я уже была женой Павла, внутри меня всё равно царило чувство зыбкости: мой отец связан с криминальным миром, и он может проверить что угодно, если захочет. Эта мысль подтачивала моё спокойствие изнутри, но я старательно прятала её за улыбкой.

Ночь оказалась куда тяжелее. Даже широкая и мягкая кровать не спасала от терзаний. Лёжа рядом с Павлом, я долго не могла уснуть. Он, казалось, спал спокойно — его ровное дыхание и расслабленное лицо излучали уверенность и силу. А я напротив: ловила каждый шорох за окном, каждый скрип дома, ожидая худшего. В голове вновь и вновь всплывала мысль: что будет, если отец всё-таки найдёт меня?

Утро встретило нас туманом и прохладой. С первыми лучами солнца Павел предложил прогуляться до пруда — развеяться и подышать свежим воздухом. Я с радостью согласилась, жадно хватая любую возможность вырваться из плена тревожных мыслей. Пруд встретил нас зеркальной гладью, изредка нарушаемой кругами от прыгающих рыб. Воз-

дух был наполнен пением птиц и запахом влажной травы. Я почувствовала, как сердце немного отпустило, будто сама природа пыталась подарить мне покой.

Глава 14-2

На обратном пути, когда мы уже подходили к дому, Павел неожиданно остановился и крепко взял меня за руку. Его ладонь была тёплой и уверенной, и это касание будто остановило весь мир.

— Слушай, я знаю, что тебе сейчас тяжело, — сказал он, глядя прямо в глаза. Его голос звучал спокойно, но в нём пряталась твёрдая решимость. — Но я в очередной раз обещаю: я не дам тебя в обиду. Мы что-нибудь придумаем, как выпутаться из этой ситуации. Вместе.

Я смотрела на него и чувствовала, как слова падают прямо в душу. Они должны были стать спасительным глотком надежды, и отчасти так и было. Но где-то глубоко внутри продолжал жить маленький червячок сомнения: а вдруг всё это лишь иллюзия, временное укрытие, которое однажды рухнет?

И всё же, стоя рядом с ним, я впервые за долгое время позволила себе подумать: а может быть, у нас действительно есть шанс? Если держаться вместе. Если довериться и отпустить прошлое. Может быть, будущее не такое уж и мрачное.

Я робко улыбнулась в ответ, стараясь поверить в его слова. Но воспоминания о жестокости отца и его безграничной власти не отпускали меня ни на минуту. Каждое слово Павла звучало искренне, и всё же где-то внутри теплилось чувство

вины: он рисковал ради меня, а я чувствовала себя обузой, тенью, принесшей ему одни лишь проблемы.

Дни тянулись в тревожном ожидании, словно воздух вокруг стал гуще, а время — вязким. Павел старался отвлечь меня от мрачных мыслей: предлагал прогулки по лесу, читал вслух книги вечерами, иногда мы вместе готовили ужин или завтракали на веранде, где утреннее солнце окрашивало всё в золотой свет. Днём я продолжала ремонт — покрашенные стены и свежие ткани будто создавали иллюзию новой жизни, где не было места страху. Павел рассказывал разные смешные истории — про своё детство, про неловкие случаи в юности. Я смеялась, но смех мой был тихим и осторожным, как у человека, боящегося снова поверить в простое счастье.

Иногда я ловила себя на мысли, что мечтаю: мечтаю о том дне, когда всё это закончится, и отец отпустит меня в свободное плавание. Представляла себя вдалеке от всего этого кошмара — с новой стрижкой, новыми руками, без цепей прошлого. Но реальность возвращала меня к тяжёлому грузу: отец никогда так просто не отпустит.

Однажды утром мы сидели на кухне, завтракали омлетом и свежим хлебом. Казалось, всё спокойно, но внезапный стук в дверь разрезал тишину, словно выстрел. Я вздрогнула и чуть не выронила вилку. А в следующее мгновение заметила в кухонном окне чужое лицо: бритоголовый мужчина пристально всматривался внутрь, и его глаза задержались на мне.

Сердце забилося так быстро, что в ушах зашумело. В голове закрутились мысли: «Они нашли меня. Отец послал за мной. Конец». Я беспомощно посмотрела на Павла. Его лицо оставалось спокойным, но в глазах загорелась холодная решимость.

Он встал и направился к двери. Я сжала руками кружку с чаем, стараясь не дрожать.

На пороге стояли двое незнакомцев в тёмных костюмах. Они выглядели чужеродно в этой деревенской тишине — гладкие, хищные, словно вороны, прилетевшие на пададь. Один из них говорил уверенно и нагло:

— Мы представляем интересы вашего тестя. Нам нужно убедиться, что в вашем доме нет посторонних.

Я чувствовала, как кровь отхлынула от лица. «Тесть»... значит, они знают. Они уверены, что я здесь.

— Это мой дом, — твёрдо сказал Павел, даже не повышая голоса. — И вы не имеете права сюда входить без разрешения.

Мужчины переглянулись, и в их взглядах мелькнула угроза.

— Ваше упрямство может плохо закончиться, — бросил второй, делая шаг вперёд.

Но Павел не дрогнул. Его фигура заслонила вход, и от него исходила такая уверенность, что даже я, сидевшая в глубине дома, почувствовала её.

— Передайте вашему хозяину, что я не боюсь пустых

угроз, — отчеканил он. — Здесь никого нет, кроме меня.

Мужчины ещё какое-то время смотрели на него, затем развернулись и ушли, но я знала — это не конец. Это только начало большой охоты.

После их ухода я ощутила, что всё вокруг изменилось. Тишина в доме стала какой-то гулкой, как будто стены впитали в себя угрозу и теперь отзванивали её в моём сердце. Я понимала: отец не отступит. Для него я была не дочерью, а разменной монетой, которую можно использовать для сделок и выгодных союзов. И нам придётся бороться за свою свободу, шаг за шагом, каждый день.

— Мне показалось, что они тебя не узнали, увидев тебе через стекло окна, — тихо сказал Павел, накрывая мою руку своей. Его пальцы были тёплыми, и это тепло пробивалось сквозь ледяной страх. — Так что пока нам нечего бояться. Если сам твой отец появится — будет сложнее. Но и он может не сразу распознать тебя. Ты сильно изменилась, поверь. Даже я бы не узнал тебя, если бы встретил где-то на улице.

Я опустила взгляд, стараясь поверить его словам, но на душе было тяжело.

— Хотелось бы в это верить, — прошептала я, и в голосе моём прозвучала такая тоска, что даже Павел нахмурился.

Он оказался человеком слова. В тот же вечер начали действовать. Мы собрали самые необходимые вещи: немного одежды, документы, деньги, которые он достал из сейфа. В каждой его движении чувствовалась решимость и холодный

расчёт, а во мне — растерянность и невидимая дрожь. Павел объяснил, что нам нужно уехать как можно дальше, туда, где отец не сможет достать. Он упомянул о нескольких укромных местах, которые когда-то использовал сам для передышки, когда жизнь требовала скрываться и хотелось полного одиночества.

Когда всё было готово, мы покинули дом. Я оглянулась на него в последний раз: свежевыкрашенные стены, аккуратные комнаты, уют, который я только начинала строить. И сердце сжалось — словно я снова теряю дом, пусть и ненадолго созданный своими руками.

Дорога оказалась долгой и утомительной. Асфальт тянулся бесконечной лентой, в окнах проносились поля и редкие деревни. Павел вёл уверенно, но его взгляд часто задерживался в зеркале заднего вида. Я тоже ловила себя на том, что всматриваюсь в каждую машину, проезжающую мимо: не погоня ли это? Не люди ли отца следят за нами?

Мы старались не привлекать к себе внимания, останавливались только в проверенных местах. В придорожных кафе я сидела тихо, опустив глаза, а Павел держался спокойно и уверенно, будто всё происходящее — лишь обычная поездка. Он рассказывал мне истории: то забавные случаи из юности, то байки о деревенских соседях, то короткие шутки. И я ловила себя на том, что начинаю улыбаться, хоть ненадолго забывая о страхе.

Но ночью, когда мы останавливались переночевать в ма-

леньких гостиницах или на съёмных квартирах, тревога возвращалась с новой силой. В темноте я слышала каждый шорох, видела во сне отцовский взгляд и просыпалась с чувством, будто он уже стоит за дверью. Тогда Павел крепко обнимал меня и шептал: «Я рядом. Я не дам тебя в обиду». И только так я снова могла заснуть.

Глава 15-1

Через несколько дней мы добрались до небольшого приморского городка. Дорога изматывала, но когда впервые почувствовала солёный запах моря, что доносился с утренним бризом, в душе что-то дрогнуло. Казалось, сама природа открывала перед нами новое начало. Павел снял скромный домик на окраине, утопающий в зелени и спрятанный от любопытных глаз. Здесь было тихо и спокойно: по вечерам слышался только плеск волн и стрекот цикад. Я впервые за долгое время смогла глубоко вдохнуть и не чувствовать на плечах тяжёлый груз страха.

Чтобы ещё сильнее замаскироваться, я начала носить свободную, мешковатую одежду, пряча фигуру. Павел настоял, чтобы я снова подстриглась под мальчика. В местной парикмахерской мастер без малейших сомнений принял меня за подростка и ловко орудовал машинкой. В зеркале я видела чужое лицо — короткая стрижка, отсутствие макияжа, простая одежда... И мне даже нравилось это превращение. Иногда я смотрела на своё отражение и думала: может, именно так и выглядит свобода — когда не нужно играть роль, удобную отцу?

Павел быстро нашёл работу в местной автомастерской. Его умение чинить машины и разбираться в механике оценили сразу: к нему потянулись клиенты, и хозяин мастерской

был доволен. Вечерами он возвращался домой уставший, но с улыбкой, и это придавало мне уверенности.

Я взяла на себя заботу о доме. Пусть он был скромным, но я старалась наполнить его уютом: мыла полы, украшала окна самодельными занавесками, расставляла найденные в местных лавках мелочи. Иногда я готовила новые блюда по рецептам, которые помнила ещё с особняка, и радовалась, когда Павел нахваливал мою стряпню.

Мы много гуляли по берегу моря. Я любила слушать, как волны накатывают на камни, и ощущать прохладный ветер на лице. Иногда мы сидели прямо на песке и молчали — и в этой тишине было больше слов, чем в любом разговоре. Постепенно во мне что-то оттаивало.

Со временем я начала забывать о своих страхах. Павел окружал меня заботой и вниманием, и впервые в жизни я почувствовала, что значит быть рядом с человеком, которому важна ты сама, а не то, что через тебя можно получить. А ещё меня смешило и даже радовало, что все вокруг принимали меня за сына Павла. В такие моменты я ловила на себе взгляд местных жителей — и, улыбнувшись, понимала, что это тоже часть моей новой роли, моего нового я.

В один из тёплых вечеров к нам заглянула в гости одна из клиенток Павла.

Её звали Ирина, и она владела небольшой, но очень уютной кофейней в центре городка. Она часто заезжала в мастерскую, где Павел чинил её старенький фургончик — тот

самый, что служил ей и рекламой, и рабочей лошадкой. В этот раз она пришла не с пустыми руками: в плетёной корзине принесла ароматный домашний пирог и бутылку красного вина, настояв, что ужинать будем вместе.

За столом царила тёплая, почти домашняя атмосфера. Ирина оказалась лёгкой на общение женщиной: она щедро делилась историями о своих путешествиях — то о Стамбуле с его бесконечными рынками специй, то о Париже, где пробовала кофе из редких зёрен, — и рассказывала о том, как тяжело и в то же время увлекательно вести собственное дело. Я ловила себя на мысли, что слушаю её с интересом, хоть и старалась оставаться в тени, изредка поддакивая или улыбаясь, чтобы не выдать ничего лишнего.

Павел сидел рядом и казался непривычно оживлённым: иногда он вставлял шутки, иногда уточнял что-то о её бизнесе. Я видела, как Ирина смотрит на него — с теплотой, с лёгким огоньком в глазах, словно ей нравилось находиться рядом с ним больше, чем она сама готова была признать.

Когда гостиная наконец опустела, а дверь за Ириной закрылась, Павел, убирая со стола тарелки, посмотрел на меня с лёгкой, усталой улыбкой.

— Она хорошая женщина, — сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал непринуждённо. — И кажется, ты ей приглянулся.

Он только пожал плечами и промолчал, будто не придавал этому значения.

Я кивнула, хотя внутри меня странно кольнуло. С одной стороны, было приятно, что Ирина принимала меня за сына Павла, не задавая лишних вопросов. С другой — в её присутствии я вдруг почувствовала себя лишней, чужой. Словно я была грузом в его жизни, который он несёт из чувства долга, а не по собственной воле. Мы с Павлом много разговаривали, делились мыслями, проводили вечера вместе, но невидимая черта между нами оставалась. Интимная близость будто была под негласным запретом — и чем дальше, тем больше я задумывалась, сколько ещё так сможет продолжаться.

Со временем визиты Ирины стали привычными. Она заходила почти каждую неделю: то с корзинкой свежей выпечки, то с ароматным кофе, то просто так — поболтать. Она умела создавать уют одним своим присутствием: смех её был звонким, а рассказы — яркими и живыми. Я ловила себя на том, что постепенно перестала напряжённо вздрагивать при её появлении и даже научилась улыбаться в ответ.

Павел и Ирина проводили всё больше времени вместе. Они могли запросто сходить в кино или прогуляться по набережной, обсуждая свои дела и смеясь над какими-то шутками, понятными только им двоим. А я всё чаще оставалась одна. Дом становился слишком тихим без их голосов, и это одиночество давило на меня.

Я видела, как у Павла загораются глаза, когда он слушает Ирину, и сердце сжималось. Между ними действительно появлялось что-то большее, чем просто дружба. И я понимала:

он заслуживает счастья, заслуживает женскую ласку и тепло рядом с собой. Может быть, он и найдёт это счастье с Ириной. Но отчего-то больно было до слёз.

Ведь я — его жена. Пусть фиктивная, пусть по стечению обстоятельств, но жена. И мне хотелось, чтобы именно я была на месте этой женщины, чтобы он смотрел так на меня, смеялся со мной, делился мыслями и мечтами. В какой-то момент я ясно осознала: я влюбилась. Настояще, глубоко и окончательно. Влюбилась в человека, который спас меня от гнёта отца и дал мне возможность почувствовать вкус свободы.

Но ревность не отпускала. Она точила изнутри, превращая каждый день в испытание. Смотреть на то, как Павел открывает дверь Ирине, как ненароком касается её руки, как его лицо озаряется улыбкой, — было невыносимо. Я знала: если ничего не скажу, то просто сойду с ума.

Однажды вечером, когда Ирина ушла, оставив после себя лишь запах духов и полупустую бутылку вина на столе, я не выдержала. Сердце колотилось, ладони вспотели. Я решилась.

— Павел, — позвала я его тихо, но твёрдо. — Скажи, что происходит?

Он удивлённо поднял на меня глаза.

— О чём ты? — спросил, будто не понимая.

— Ты и Ирина... вы вместе? — слова сорвались сами собой, острыми, как нож.

Павел тяжело вздохнул, провёл рукой по волосам и сел рядом, внимательно глядя на меня.

— Мы просто друзья, — сказал он, и в голосе звучала усталость.

— Но я вижу, что между вами что-то есть! — возразила я, чувствуя, как голос дрожит. — Я не слепая, Павел...

Глава 15-2

Он осторожно взял мою руку в свою ладонь, тёплую и надёжную.

— Ты важна для меня, — сказал Павел тихо, но с твёрдостью в голосе. — Ты моя семья. Пусть не как жена... но как ребёнок — точно. Я никогда не забуду, что ты сделала ради меня, как рисковала, хотя твой отец мог нас обоих уничтожить. Ты заставила меня снова жить, вытянула из того мрака, куда я провалился из-за него. А Ира... она просто друг. Да, мне приятно проводить с ней время, но не более. Может, как женщина она и нравится мне... но женой я её никогда не сделаю.

Слова, казалось, ударили меня в самое сердце. Я смотрела на него, и глаза предательски наполнились слезами. Хотелось закричать, признаться: «Я люблю тебя, Павел! Люблю, слышишь?!» Но голос застрял в горле. Я понимала: сейчас он видит во мне только девчонку, которую нужно оберегать. Для него я — ребёнок, а не женщина. Но от этого мои чувства не становились слабее.

Я выдернула руку из его ладоней и отвернулась, чтобы скрыть дрожь в руках и слёзы в глазах.

— Не говори больше ничего. Просто... забудь о том, что я спросила, — прошептала я, едва сдерживая рыдания.

Встав, я стремительно покинула комнату, оставив Павла

сидеть в молчаливом недоумении. В груди всё жгло от боли и обиды. Я вбежала в свою комнату, рухнула на кровать и уткнулась лицом в подушку, позволяя слезам свободно течь. Сердце раскалывалось на части: я любила его так сильно, что больше не могла это скрывать. Но он никогда не посмотрит на меня как на женщину. Для него я останусь лишь человеком, которого надо защитить, и это невыносимо рвало душу.

Ночь прошла в мучительных мыслях. Я ворочалась, то засыпая в слезах, то снова просыпаясь от гнетущих снов.

Наутро Павел попытался поговорить со мной, но я лишь опустила глаза и сделала вид, что занята. Его взгляд был полон заботы, но я не могла встретить его глазами. Я чувствовала себя беззащитной и глупой. Как я могла влюбиться в человека, который никогда не сможет ответить взаимностью?

И всё же внутри теплилась крошечная искра надежды, такая слабая, что я сама боялась её признать.

Я поняла: мне нужно уехать. Иначе я просто сломаюсь.

По новым документам с чужой фамилией, которые добыл для меня Павел, отец вряд ли быстро меня найдёт. Но дело было не только в опасности. Я больше не могла оставаться в доме, где каждый день видела его рядом с Ириной — их смех, их взгляды, их тихие разговоры. Каждая мелочь причиняла мне невыносимую боль, будто кто-то медленно вырывал сердце из груди.

Мне требовалось время, чтобы разобраться в себе, в своих чувствах, в своей жизни. Я хотела научиться жить без по-

стоянного страха и без зависимости от Павла. Хотела снова почувствовать, что у меня есть будущее.

Я собрала свои вещи в небольшой чемодан, стараясь не плакать. На столе оставила письмо — длинное, дрожащее от слёз и неуверенности. Я благодарила его за всё: за спасение, за заботу, за то, что он был рядом в самые страшные моменты. Объясняла, что мне нужно уйти, чтобы найти себя и начать всё заново. Но о главном — о любви — я умолчала. Я слишком боялась его реакции. Боялась, что он отвергнет меня окончательно, и тогда моя душа не выдержит.

Я ушла, пока его не было дома. Каждый шаг давался с трудом, но я не оглянулась.

В новом городе я сняла маленькую квартиру на деньги, которые взяла у Павла в долг, не спросив его разрешения. Сумма была скромная, но мне хватило. Устроилась работать в салон сотовой связи — обычная работа, которая помогала отвлечься. Я училась улыбаться незнакомым людям, отвечать на их вопросы, подбирать тарифы и продавать телефоны. Но по вечерам, закрывая дверь квартиры, оставалась наедине со своей тоской.

Я пыталась не думать о Павле и Ирине, но память предательски возвращала каждый его взгляд, каждую улыбку, каждое прикосновение. Ночи стали мучением: я засыпала с его образом перед глазами и просыпалась с пустотой в груди. Мне так хотелось быть рядом — обнимать, целовать, ощущать его руки на своём теле.

Через пару месяцев пришёл документ о разводе. Всё стало официально. Я больше не была его женой даже на бумаге.

А ещё спустя несколько месяцев я узнала, что Павел и Ирина поженились. Новость пришла случайно — через общих знакомых. Я сидела с телефоном в руках, перечитывая сообщение снова и снова, будто надеясь, что это ошибка. Но это была правда.

Я была рада за него, правда. Павел заслуживал счастья. Но вместе с тем казалось, что моё сердце рвётся на мелкие куски. Я понимала: мы никогда не будем вместе. И это не мешало мне любить его.

Я продолжала жить дальше. Каждый день делал боль чуть менее острой, хотя шрам в душе оставался. И всё же я надеялась, что однажды встречу того, кто сможет залечить эту рану и подарить мне своё тепло. Может быть, впереди меня тоже ждёт счастье.

Глава 16-1

Прошёл ровно год с того дня, как я сбежала из семейного дома. Внутри меня что-то надломилось: одиночество стало невыносимым, а мысли о Павле изматывали день за днём. Я пыталась забыть, пыталась жить новой жизнью, но прошлое, словно тень, не отпускало меня.

В какой-то момент я решила: всё, хватит. Лучше вернуться и сдаться во власть семьи, чем бесконечно бродить по кругу своих страхов и сожалений. Пусть я знала, что, если дома ничего не изменилось, меня ждёт только худшее. Отец всё равно женит меня, вернёт своё богатство и влияние, даже если придётся пожертвовать дочерью. Одной из шести, но, как назло, самой упрямой.

Дорога обратно казалась бесконечной. Когда такси въехало в родной город, сердце моё бешено заколотилось. Улицы были всё те же — пыльные, шумные, наполненные запахами выпечки и бензина, знакомые до боли... и одновременно чужие. Словно я вернулась не домой, а в чужой мир, который когда-то носил моё имя.

Машина остановилась у ворот семейного особняка. Я вышла, дрожа от страха и предчувствия. Сколько раз я мечтала оказаться здесь снова? Сколько раз боялась этого момента? В голове роились обрывки воспоминаний: холодный голос

отца, мамины слёзы, братский смех, мои собственные крики... Всё смешалось в странный клубок.

Собравшись с силами, я нажала кнопку звонка. Звук эхом разнёсся по двору, и сердце у меня ёкнуло.

Ворота открылись, и я увидела его — отца.

Он почти не изменился, но что-то в его облике всё же стало другим. Морщины прорезали лоб и щёки, волосы поседели, взгляд казался уставшим. Но всё это было лишь оболочкой. Внутри он оставался прежним — властным, тяжёлым, непреклонным. Его глаза, холодные и пристальные, упёрлись в меня, словно пронзая насквозь.

Я сглотнула и едва слышно произнесла:

— Здравствуй, отец.

Он кивнул и, не проронив ни слова, жестом указал на калитку, приглашая войти.

Я переступила порог и ощутила, как ноги подкашиваются. Дом встретил меня странной тишиной и полумраком, словно затаился, готовый наблюдать за нашей встречей. Запахи — мебельного лака, старых ковров и родных стен — хлынули волной воспоминаний.

И тут послышались быстрые шаги. В коридоре появилась мама. Она ахнула, словно увидела привидение, и в следующее мгновение бросилась ко мне. Её руки обвили меня крепко, отчаянно, будто боялись, что я снова исчезну. В её глазах стояли слёзы.

— Доченька... ты вернулась! — шептала она, всхлипывая и прижимая меня к себе.

Комок встал в горле. Я чувствовала тепло её объятий, её дрожь, и впервые за долгое время захотелось поверить, что всё может быть по-другому. Может быть, за этот год что-то действительно изменилось? Может быть, теперь у меня есть шанс на иной исход?

Но холодный взгляд отца, брошенный на нас поверх её плеча, сразу разрушил эти иллюзии.

Отец прервал наши объятия. Его голос прозвучал резко, словно удар плетью:

— Хватит сантиментов. Нам нужно поговорить.

Я вздрогнула. Этот тон я знала с детства — в нём не было ни капли нежности, только приговор. И я поняла: именно сейчас решается моя судьба. От этого разговора зависело всё, и я боялась его больше всего на свете.

Мы прошли в гостиную. Кажется, за этот год здесь не изменилось ровным счётом ничего. Тяжёлая дубовая мебель по-прежнему стояла в строгом порядке, на стенах висели старые фотографии, покрытые лёгкой пылью, и тусклый свет лампы под абажуром отбрасывал длинные тени, придавая комнате мрачный, почти траурный вид. Казалось, время остановилось, словно ожидая моего возвращения.

Отец, как всегда, сел в своё кресло — оно словно было частью его власти. Он жестом указал мне на диван напротив. Я послушно опустилась туда, ощущая, как ноги подгибаются

от напряжения. Мама села рядом, её ладонь нашла мою руку и крепко сжала её, будто старалась хоть немного передать мне силы.

— Зачем ты вернулась? — наконец произнёс отец. Его взгляд был холодным и пронзительным, голос — сухим, лишённым каких-либо эмоций. Ни гнева, ни радости, ни облегчения. Только ледяное равнодушие, от которого по коже побежали мурашки.

Я глубоко вздохнула, собираясь с силами, и попыталась говорить твёрдо:

— Я... я поняла, что совершила ошибку. Мне нужно было время, чтобы всё обдумать.

На его губах появилась жестокая усмешка.

— Ошибка? — он произнёс это слово с таким презрением, что оно прозвучало хуже, чем оскорбление. — Ты опозорила нашу семью, сбежав накануне свадьбы! Думаешь, можно просто так вернуться, будто ничего не произошло?

Голос его сорвался на крик, гулко ударив в стены. Мама вздрогнула и крепче вцепилась в мою руку. У меня пересохло в горле, страх сковал меня изнутри, но я заставила себя заговорить.

— Я знаю... знаю, что поступила неправильно. Но я готова всё исправить, — мой голос прозвучал тише шёпота, но я вложила в эти слова всю свою решимость.

Отец наклонился вперёд, его глаза блеснули холодным огнём.

— Исправить? — он медленно повторил слово, будто пробуя его на вкус. — Интересно, каким образом ты собираешься это сделать?

Я почувствовала, что в комнате становится тесно, воздух тяжелее. Мама прижалась ко мне ближе, словно защищая, а я понимала: следующий его ответ может стать приговором.

Отец молчал, сверля меня взглядом. Его глаза были холодны и жестоки, словно два клинка, готовые разрезать мою душу. Казалось, он пытался не просто услышать мои слова, а вырвать из меня все тайны, все чувства, разглядеть — искренна ли я или снова пришла с какой-то уловкой. Молчание тянулось так долго, что в груди у меня сжалось от ужаса.

Наконец, он тяжело вздохнул, опёрся локтем о подлокотник кресла и отвернулся к окну.

— Исправить... — его голос прозвучал низко, глухо, будто он говорил не со мной, а с самим собой. — Ты думаешь, это так просто?

Глава 16-2

Я вздрогнула.

— Ты сломала жизнь не только себе, но и другим людям, — продолжил он, уже громче. — Ты опозорила нашу фамилию, перечеркнула всё, что мы строили поколениями. Ты испортила жизнь всей семье, и теперь тебе нет места в ней.

Он резко повернулся ко мне, и в глазах его вспыхнула злоба.

— Я исключил тебя из завещания, — каждое слово он будто вырезал на моём сердце ножом. — Ты теперь без роду и племени. Вертихвостка...

Мне стало трудно дышать.

— Думаешь, я не знаю, что ты вышла замуж, едва сбежав отсюда? — он зло усмехнулся. — Ты совершила эту глупость сразу после своего побега! Я обещал, что найду тебя, но не понадобилось — ты сама вернулась, в своём бестыжем виде.

Он говорил всё громче, в каждом его слове чувствовалась ненависть.

— Мы растили тебя леди из высшего общества, готовили к жизни среди достойных мужчин и женщин. А кем ты стала за этот год? Простой, мужеподобной бабой! Подстилкой для моего врага, который обобрал меня как сидорову козу! — он ударил кулаком по подлокотнику кресла, и я вздрогнула от звука.

У меня перехватило дыхание. Я сидела, опустив голову, не в силах поднять глаза. В его словах была страшная правда: я действительно причинила боль многим, и теперь мне предстояло жить с этим грузом. Но обвинения, которые он бросал в Павла, вонзались в меня ещё глубже.

— Ты хоть понимаешь, что сейчас богата? — продолжал отец. — Да-да, благодаря своему муженьку. Или он не сказал тебе, что за твоё счастье я расплатился частью своего имущества и бизнеса?

Я подняла глаза, ошарашенно глядя на него. Сердце стучало так громко, что, казалось, его слышали все в комнате.

— Что?.. — прошептала я.

Я не знала этого. Павел никогда не говорил. Для меня он был просто человеком, который спас и защитил, а не тем, кто вёл войну с моим отцом. И эта новость ударила по мне сильнее, чем все оскорбления, брошенные прежде.

— Что молчишь? — резко бросил отец, его голос хлестал, как кнут. — Нечего сказать? Вот и замечательно! Мне твои оправдания не нужны! Я не хочу тебя видеть! Пошла прочь с моих глаз! Для меня тебя больше не существует. Продолжай жить там, где шлялась весь этот год! Ты ведь этого хотела? Хотела свободы, богатства, самостоятельности? Ну так наслаждайся! — он почти выкрикнул последние слова, и его лицо побагровело.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Каждое слово отца било сильнее удара. Я поднялась с дивана, ноги

дрожали, но внутри было какое-то ледяное спокойствие. Всё. Возврата больше нет.

— Хорошо, — тихо произнесла я, но голос мой звенел от сдержанной боли. — Я уйду. Но знай, я богата не в деньгах, а в том, что умею жить и выживать. Умею чувствовать, любить, прощать... А ты превратился в человека, который умеет лишь приказывать и разрушать. Ты хочешь, чтобы я была марионеткой, но я — не кукла.

Отец нахмурился, но я не дала ему перебить меня.

— Для меня тебя тоже больше нет, — сказала я твёрдо, хотя сердце разрывалось на части. — Запомни: я стала разменной картой в твоей войне с Павлом. Ты хотел меня использовать, но в итоге потерял навсегда.

Я развернулась и шагнула к двери. Сзади ещё долго слышалось его тяжёлое дыхание, но он не позвал меня, не остановил. Я вышла за ворота и, не оборачиваясь, пошла прочь.

Слёзы жгли глаза, но я сдерживала их до последнего, пока не оказалась в поезде. Забравшись на верхнюю полку, я накрылась простынёй, пряча лицо от чужих взглядов. Колёса глухо стучали, унося меня обратно в город, где я жила в одиночестве последние месяцы. Там, по крайней мере, никто не пытался отнять у меня право быть собой.

И только тогда, в полутьме вагона, я позволила себе рыдать навзрыд — за себя, за потерянную семью, за любовь, которая не сбылась, и за ту девочку, которая когда-то верила, что отец всегда будет её защитником.

Рыдания вырывались из меня беззвучно, сотрясая плечи и душу. Простыня быстро намокла от слёз, но мне было всё равно — боль внутри была сильнее любой физической неудобности. Вся моя жизнь превратилась в хаотичный калейдоскоп ошибок и разочарований, где каждое решение словно тянуло за собой новую череду потерь. Теперь мне предстояло заново учиться жить, без привычной опоры, без семьи, без любви.

Я мечтала о прощении, о возможности хотя бы раз услышать от отца тёплое слово, о шансах начать всё сначала, но вместо этого получила только презрение и холодное отторжение. Он вычеркнул меня из своей жизни, а я — из его. И что теперь? Куда идти? К Павлу, который, как выяснилось, тоже лишь использовал меня? Нет. После всего, что я узнала, представить себя рядом с ним было невозможно. Один — отец — хотел нажиться на мне, выдав замуж, другой — Павел — преследовал свои цели: месть и обогащение. И оба добились своего, оставив меня с разбитым сердцем и опустошённой душой.

Поезд мерно покачивался, убаюкивая и унося меня всё дальше от родного города, от семьи, от прошлого, которое уже нельзя было вернуть. За окном мелькали огни станций и редкие силуэты деревень, а я чувствовала, как внутри рождается странное спокойствие. Впереди ждала неизвестность, возможно, ещё более суровая, чем то, что я оставила позади. Но теперь я была готова.

Я больше не наивная девчонка, которая сбежала от навязанного брака, не испуганная дочь влиятельного человека и не игрушка в руках чужих амбиций. Я стала сильной, пусть и обожжённой предательством, но независимой женщиной, способной постоять за себя. И если раньше моя свобода казалась мне чем-то хрупким и временным, то теперь она была моим самым большим богатством.

Да, Павел помог мне её обрести, но дальше я пойду сама. Я не позволю его имени или его прошлым поступкам управлять моей жизнью. Моё будущее — в моих руках, и только я буду писать свою историю.

Я вытерла слёзы, глубоко вдохнула и впервые за долгое время почувствовала внутри крохотную искру надежды. Пусть впереди туман, пусть неизвестность пугает, но это моя дорога. И я сделаю всё, чтобы она привела меня к счастью.

Глава 17-1

Добравшись до города, я первым делом сняла небольшой домик на окраине. Он был старенький, с облупившейся краской на ставнях и скрипучим полом, но мне казалось, что именно здесь я смогу начать всё с чистого листа. Я начала наводить порядок: переставляла мебель, мыла окна, развешивала по углам небольшие украшения, купленные в местной лавке. Каждый штрих приближал меня к ощущению

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.